

ISSN 2713-2501 (Print)

VOL. 2, NO. 3
2021

JOURNAL OF RUSSIAN STUDIES

РОССИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ТОМ 2, №3
2021

JOURNAL OF RUSSIAN STUDIES

2021. Vol. 2. No. 3.

ISSN 2713-2501 (Print)

“**Journal of Russian Studies**” is an international peer-reviewed scientific journal presenting original results of scientific research by Russian and Foreign authors. The journal is devoted to the study of the social, political, cultural life of Russian society; Russian literature and language, Russian history and sociology – all aspects of Russian studies.

The papers published in this journal have passed expert selection and peer review procedures. Scholarly content of publications corresponds to the following groups of academic specialties:

07.00.00 History and Archaeology

10.00.00 Philological Sciences

23.00.00 Political Sciences

24.00.00 Cultural Sciences

PUBLICATION INFORMATION

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications and Information Technology and Mass Communications. Registration certificate PI No. FS 77 - 77639 dated 01.29.2020 (print media, magazine).

Registered with the National ISSN Agency of the Russian Federation, ISSN number: 2713-2501 (Print).

Published since 2020.

With a frequency of 4 issues per year.

FOUNDERS

Ramil R. Khairutdinov

Lilia E. Ilikova

PUBLISHER

Autonomous non-profit organization "Institute of Cultural Heritage"

Address: 10/15, Kremlin str., Kazan, Republic of Tatarstan, 420111, Russian Federation

Tel.: +7 (843) 221-33-21

EDITORIAL

Address: 3, M. Mezhlauk str., off. 117, Kazan, Republic of Tatarstan, 420111, Russian Federation

Email: rs-journal@mail.ru

EDITOR-IN-CHIEF

Liya E. Bushkanets – Ph. D habil. (Philol.), Professor, Institute of International Relations KFU, Kazan, Russian Federation

EDITORIAL DIRECTOR

Ramil R. Khairutdinov – Ph. D (Hist.), Ass. Professor, Institute of International Relations KFU, Kazan, Russian Federation

SCIENTIFIC EDITOR

Lilia E. Ilikova - Ph. D (Sociol.), Ass. Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

EDITORIAL TEAM

Andre da Silva, Ph. D habil. (Polit.), Professor, University of Rio Grande do Sul, Brazil

Yulia S. Valeeva, Ph. D (Econ.), Ass. Professor, Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russian Federation

Alessandro Vitale, Ph. D habil. (Polit.), Professor, University of Milan, Italy

Maria Gidini, Ph. D habil. (Polit.), Professor, University of Parma, Italy

Andrea Gulotta, Ph. D habil. (Philol.), Professor, University of Glasgow, Scotland

Tatyana K. Ivanova, Ph. D habil. (Philol.), Ass. Professor, Institute of International Relations KFU, Kazan, Russian Federation

Maria L. Kalenchuk, Ph. D habil. (Philol.), Professor, Institute of the Russian Language RAS, Moscow, Russian Federation

Vladimir I. Karasik, Ph. D habil. (Philol.), Professor, State Institute of the Russian Language named after A. Pushkin, Moscow, Russian Federation

Evgeny F. Kirov, Ph. D habil. (Philol.), Professor, State Institute of the Russian Language named after A. Pushkin, Moscow, Russian Federation

Roman N. Lunkin, Ph. D habil. (Polit.), Ph. D (Philos.), Institute of Europe RAS, Moscow, Russian Federation

Umberto Mazzone, Ph. D habil. (Hist.), Professor, University of Bologna, Italy

Munjal Girish, Ph. D habil. (Philol.), Professor, Delhi University, Delhi, India

Jean-Robert Ravio, Ph. D habil. (Polit.), Professor, University Paris-Nanterre, France

Roberta De Giorgi, Professor (Philol.), State University of Udine, Italy

Giovanni Savino, Ph. D habil. (Hist.), RANEPa, Moscow, Russian Federation

Olga Smith, Ph. D habil. (Philol.), Professor, The University of Central Lancashire (UCLan), Preston, Lancashire, England

Paul Fryer, Ph. D habil. (Sociol.), Professor, University of Eastern Finland, Jonsuu, Republic of Finland

Guzel Guzelbaeva, Ph. D. (Sociol.), Ass. Professor, Institute of International Relations KFU, Kazan, Russian Federation

Guzel Ibneeva, Ph. D habil. (History), Professor, Institute of International Relations KFU, Kazan, Russian Federation

EDITORIAL AND PUBLISHING GROUP

Luiza K. Karimova (Executive Secretary) – Ph. D (Hist.), Associate Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

Evgeniy V. Vitol (Responsible for the issue) – Institute of International Relations KFU, Kazan, Russian Federation

РОССИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2021. Т. 2. № 3.

ISSN 2713-2501 (Print)

«**Российские исследования**» – международный рецензируемый научный журнал, представляющий оригинальные результаты научных исследований российских и зарубежных авторов. Журнал посвящён изучению социальной, политической, культурной жизни российского общества; исследованиям в области русской литературы и русского языка, российской истории и культуры – то есть всем аспектам россиеведения.

Публикуемые в журнале материалы проходят процедуру рецензирования и экспертного отбора. Научное содержание публикаций соответствует следующим группам научных специальностей:

07.00.00 Исторические науки и археология

10.00.00 Филологические науки

23.00.00 Политология

24.00.00 Культурология

ИНФОРМАЦИЯ ОБ ИЗДАНИИ

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77 - 77639 от 29.01.2020 (печатное СМИ, журнал).

Зарегистрирован в Национальном агентстве ISSN Российской Федерации, номер ISSN: 2713-2501 (Print)

Издаётся с 2020 года

Периодичность 4 выпуска в год

УЧРЕДИТЕЛИ

Хайрутдинов Рамиль Рашидович

Иликова Лилия Эрнстовна

ИЗДАТЕЛЬ

Автономная некоммерческая организация «Институт культурного наследия».

Адрес: ул. Кремлевская, д. 10/15, г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация, 420111

Тел.: +7 (843) 221-33-21

РЕДАКЦИЯ

Адрес: ул. М. Межлаука, д. 3, каб. 117, г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация, 420111

E-mail: rs-journal@mail.ru

Подписка и распространение: на оформлении

16+

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Бушканец Лия Ефимовна – доктор филологических наук, профессор, Институт международных отношений КФУ, г. Казань, Российская Федерация

ШЕФ-РЕДАКТОР

Хайрутдинов Рамиль Равилович – кандидат исторических наук, доцент, Институт международных отношений КФУ, г. Казань, Российская Федерация

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

Иликова Лилия Эрнстовна – кандидат социологических наук, доцент, Институт международных отношений КФУ, г. Казань, Российская Федерация

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Валеева Юлия Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент, Казанский государственный энергетический университет, г. Казань, Российская Федерация

Витале Алессандро, профессор, Университет Милана, Италия

Гидини Мария Кандида, профессор, Университет Пармы, Италия

Гириш Мунджал, кандидат филологических наук, профессор, Делийский университет, г. Дели, Индия

Гуллотта Андреа, профессор, Университет Глазго, Шотландия

Да Силва Андре, профессор, Университет Рио Гранде до Сул, Бразилия

Де Джорджи Роберта, профессор, Государственный университет Удине, Италия

Иванова Татьяна Константиновна, доктор филологических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация

Каленчук Мария Леонидовна, доктор филологических наук, профессор, Институт русского языка РАН, г. Москва, Российская Федерация

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, Институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Российская Федерация

Киров Евгений Фролович, доктор филологических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Российская Федерация

Лункин Роман Николаевич, доктор политических наук, кандидат философских наук, Институт Европы РАН, г. Москва, Российская Федерация

Маццоне Умберто, профессор, Университет Болоньи, Италия

Радио Жан-Робер, профессор, Университет Париж-Нантерр, Франция

Савино Джованни, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Смит Ольга, профессор, Университет Центрального Ланкшира, г. Престон, Ланкшир, Великобритания

Фрайер Пол, профессор, Университет Восточной Финляндии, г. Йонсу, Финляндская Республика

Гузельбаева Гузель Яхиевна, кандидат социологических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация

Ибнеева Гузель Вазыховна, доктор исторических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА

Каримова Луиза Каюмовна (ответственный секретарь) – кандидат исторических наук, доцент, Институт международных отношений КФУ, г. Казань, Российская Федерация

Витоль Евгений Владимирович (ответственный за выпуск) – Институт международных отношений КФУ, г. Казань, Российская Федерация

CONTENTS

POLITICAL SCIENCE

Nazmieva I.F. POLITICAL RISKS OF MANAGING SMALL AND MEDIUM BUSINESSES IN TIMES OF CRISIS UNCERTAINTY IN RUSSIA	7
---	---

PHILOLOGICAL SCIENCES

De Giorgi R. THE TALE OF KING ASARHADON (1903) IN THE "CHERTKOV VERSION". THE PROBLEM OF INTUITION AND TRANSLATION	15
Alleva A. TRANSLATOR'S TOOLS	28
Grežina Y.E. DEFINITION OF CHEKHOV'S PERCEPTIOS AS A MASS LITERATURE WRITER IN ITALY AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY	33
Bazhanova E. INFERNAL HEROES IN A. KUPRIN'S STORY "OLESYA"	43
Bushkanets L. MAKSIM GORKY AND THE «BOSYAK» AS A SOCIAL FASHION IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY	51

HISTORICAL SCIENCES

Mikhailov A.YU., Sedov I.O. ETHNO-CONFESSIONAL GROUPS IN THE DISCOURSE OF NATIONALISM OF THE KAZAN OCTOBRISTS DURING THE FIRST RUSSIAN REVOLUTION	71
--	----

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Назмиева И.Ф. ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ УПРАВЛЕНИЯ МАЛЫМ И СРЕДНИМ БИЗНЕСОМ В ПЕРИОД КРИЗИСНОЙ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ В РОССИИ	7
--	---

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Де Джиорджи Роберта СКАЗКА О ЦАРЕ АСАРХАДОНЕ (1903) В «ЧЕРТКОВСКОМ ВАРИАНТЕ». ПРОБЛЕМА ЭДИЦИИ И ПЕРЕВОДА	15
Аллева А. ИНСТРУМЕНТЫ ПЕРЕВОДЧИКА	28
Грезина Ю.Е ФОРМИРОВАНИЕ РЕПУТАЦИИ ЧЕХОВА КАК ПИСАТЕЛЯ МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ИТАЛИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА	33
Бажанова Е.А. ИНФЕРНАЛЬНЫЕ ГЕРОИ В ПОВЕСТИ А.И. КУПРИНА «ОЛЕСЯ»	43
Бушканец Л.Е. МАКСИМ ГОРЬКИЙ И МОДА НА БОСЯКА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА	51

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Михайлов А.Ю., Седов И.О. ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ГРУППЫ В ДИСКУРСЕ НАЦИОНАЛИЗМА КАЗАНСКИХ ОКТЯБРИСТОВ В ГОДЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	71
--	----

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 321

Политические науки

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ УПРАВЛЕНИЯ МАЛЫМ И СРЕДНИМ БИЗНЕСОМ В ПЕРИОД КРИЗИСНОЙ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ В РОССИИ

Индира Фердинандовна Назмиева

Казанский (Приволжский) федеральный университет
г. Казань, Россия
nazmievaindira95@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается понятие политического риска в контексте процесса управления бизнесом в период нестабильности, связанной с эпидемиологическим кризисом во всем мире. В политической науке важна оценка риска для прогнозирования событий и выбора направления деятельности. Важным представляется изучение риска и его структуры. В статье проводится анализ управления малым и средним бизнесом в условиях распространения пандемии коронавируса (далее COVID-19). Ухудшение условий внешней среды, отсутствие стабильности в экономике вызвало негативные последствия в функционировании малого и среднего предпринимательства во всем мире, в том числе в России. В связи с этим особую актуальность приобретает исследование малого и среднего бизнеса в условиях пандемии, а также эффективности принимаемых мер с целью поддержки предпринимателей. В данном исследовании предпринимаются попытки выделить группы мер поддержки предпринимателей.

Ключевые слова: политические риски, предпринимательство, пандемия, COVID-19, меры поддержки бизнеса, управление малым и средним бизнесом, экономическая стабильность

Для цитирования: Назмиева И.Ф. Политические риски управления малым и средним бизнесом в период кризисной неопределённости в России // Российские исследования. 2021. Т. 2. № 3. С. 7–14.

POLITICAL RISKS OF MANAGING SMALL AND MEDIUM BUSINESSES IN TIMES OF CRISIS UNCERTAINTY IN RUSSIA

Indira F. Nazmieva
Kazan Federal University
Kazan, Russia

Abstract. The article describes the concept of political risk in the context of the business management process during the period of instability associated with the epidemiological crisis around the world. In political science, it is important to assess the concept of risk in view of the forecasting of events and the choice of direction. A detailed study of the risk as well as its structure is important. The article analyses the management of small and medium-sized businesses in the context of the spread of the coronavirus pandemic (COVID-19). The deterioration of the external environment, the lack of stability in the economic environment caused negative consequences in the functioning of small and medium-sized enterprises around the world, including in Russia. In this regard, the study of small and medium-sized businesses in the context of the pandemic, as well as the effectiveness of measures taken to support entrepreneurs, becomes especially relevant. This study attempts to identify groups of measures to support entrepreneurs in the modern period.

Keywords: political risks, entrepreneurship, pandemic, COVID-19, business support measures, small and medium-sized business management, economic stability

For citation: Nazmieva I.F. Political risks of managing small and medium businesses in times of crisis uncertainty in Russia. *Journal of Russian Studies*. 2021;2(3):7–14. (In Russ.).

Стремительный процесс глобализации, усиление непредсказуемости общественной жизни, нарастание неопределенности ввиду различных явлений, происходящих в мире, предопределяют увеличение политических рисков в принятии важнейших решений. Сфера бизнеса, особенно в период кризиса, также становится уязвимой и подвергается испытанию новыми условиями, противоречивыми и рисковыми.

Исследование риска широко распространено в экономической, юридической, математической науке. С начала 1960–х гг. политологами вводится понятие «политический риск» при анализе деятельности американских корпораций вследствие прихода к власти Фиделя Кастро. Политический риск стал применим для оценки деятельности транснациональных компаний в стремительно развивающихся странах, где политическая сфера имела нестабильный характер и высокий уровень воздействия на функционирование бизнеса. Также это понятие правомерно

применять для анализа деятельности национальных компаний и для оценки активности на внешних рынках.

Вслед за Б. Соржем и В. Вестоном мы понимаем под политическим риском «действия национального правительства, которые мешают проведению деловых операций, изменяют условия соглашений или приводят к конфискации собственности иностранных компаний» [1]. При определении политического риска также указывается на вероятность нежелательных последствий принятия решений, особенно в сфере международного бизнеса, при том, что следует учитывать нежелательные события с возможным влиянием политических и социальных факторов [2, с. 23].

Необходимо отметить, что указанные авторы учитывают внутригосударственные политические события, тогда как исследователи Г. Райс и И. Махмауд считают целесообразным учитывать и международную политическую ситуацию. Согласно мнению данных ученых, политический риск определяется как «внутристрановые и международные, конфликтные и интеграционные события и процессы, которые могут (или не могут) привести к изменениям в правительственной политике внутри страны или в зарубежных странах, что выразится в неблагоприятных условиях или дополнительных возможностях для фирмы» [1].

Таким образом, политический риск можно определить как риск с вероятностью возникновения политических факторов как в стране, так и в мире, оказывающих либо благоприятное, либо отрицательное влияние на экономическую, политическую сферу. К таким политическим факторам относятся стабильность политического режима, политические беспорядки, уровень преступности, а также безработицы.

Пандемия COVID-19 и связанные с этим угрозы, несомненно, повлекли за собой резкое повышение политических рисков, непосредственное влияние которых испытывают самые разные участники рынка и политических процессов. В частности, большой урон испытал на себе малый и средний бизнес, что связано, в том числе, с недостаточной эффективностью принимаемых мер с целью поддержки предпринимателей. Эпидемиологический кризис 2020-21 гг. нанес серьезный ущерб российским отраслям народного хозяйства. В течение 2020 года можно было наблюдать стремительное изменение приоритетов развития на меры, направленные на поддержку экономической стабильности.

Поддержка предпринимательства, обусловленная сложившейся экономической ситуацией, проявилась в широком перечне мер в регионах России:

- отсрочка арендной платы (г. Санкт-Петербург, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Алтай, Республика Адыгея и др.);
- освобождение от арендной платы (г. Санкт-Петербург, Республика Дагестан и др.);

- отсрочка авансовых платежей по налогам (Республика Чувашия, Московская область);
- отсрочка уплаты торгового сбора и платы за изменение вида разрешенного использования (г. Москва);
- отмена санкций по арендной плате (Республика Коми, г. Москва);
- льготные предложения по налогам и арендной плате для собственников помещений, предоставление субсидий кредитным организациям, а также грантов (г. Москва);
- создание ситуационного центра для мониторинга экономической и финансовой ситуации (Республика Татарстан) [3, с. 25].

Анализируя меры поддержки малого и среднего бизнеса, можно выделить уникальные в своем роде. Так, в Московской области включена поддержка социального предпринимательства. Существуют льготы по уплате по упрощенной системе налогообложения на период 2021 года [4, с. 165].

Для определенных отраслей с 9 марта 2021 г. по 1 июля 2021 г. индивидуальные предприниматели и организации могут претендовать на льготный кредит, сумма которого составляет не более 500 млн. руб. по ставке 3%. Данный кредит предоставляется для покрытия любых документально подтвержденных расходов, в частности, для погашения кредитов и выплаты заработной платы.

Малый и средний бизнес, основной вид деятельности которого приходится в наиболее пострадавшие отрасли, может рассчитывать на рассрочку погашения долгов при условии включения их в Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства по состоянию на 1 марта 2020 года.

Представляется весьма обширным перечень поддерживающих мер для предпринимательства в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Так, предусматривается освобождение от уплаты транспортного налога за период 2020–21 гг., для гостиничного и туристического бизнеса и санаторного блока предусмотрено освобождение от уплаты имущественных налогов на 2020–21 гг., экономия на имущественных налогах ввиду пересмотра кадастровой стоимости в 2020 году, освобождение, отсрочка и рассрочка по платежам за аренду земли, объектов нежилого фонда, а также отказ от повышения арендной платы за имущество городского типа в 2021 году [5, с. 30].

В Ленинградской области для новых индивидуальных предпринимателей, оказывающих гостиничные услуги, предусмотрены налоговые каникулы; микрозаймы, а также уменьшение суммы налога на имущество для организаций-арендодателей.

Среди регламентов и региональных постановлений, введенных вследствие пандемии COVID-19, можно выделить наиболее актуальные и

распространенные меры поддержки малого и среднего бизнеса в регионах страны:

- введение моратория на проверки юридических лиц и индивидуальных предпринимателей;
- освобождение от арендной платы и платы за размещение торговых объектов;
- предоставление субсидий и финансовой поддержки;
- нулевая ставка на прибыль организаций и др.

Стоит также отметить, что в некоторых российских регионах утверждаются планы мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики. Это детерминировано различными направлениями деятельности органов государственной власти: социально-экономическое благополучие региона; льготы и привилегии, которые проявляются в мерах поддержки в период пандемии COVID-19.

Развитие предпринимательства в последнее время тесно связано с ограничительными мерами, нацеленными на борьбу с пандемией коронавируса и предотвращения его дальнейшего распространения. Все это сопровождается массовым закрытием предприятий, сокращением производства, ростом безработицы и падением спроса на ряд категорий товаров и услуг. Вышеперечисленные тенденции привели к значительным убыткам компаний на территории всего российского государства.

Как видно, на федеральном уровне были приняты отдельные меры для поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства [6, с. 47]. Но сложность процедур государственного регулирования, издержки административного давления, высокая степень финансовой нагрузки – все это снизило рентабельность бизнеса.

Министерство экономического развития России курирует развитие предпринимательства, оно определяет направления, а также количество средств, направленных на поддержку малого и среднего бизнеса в стране. На уровне субъектов основными органами поддержки малого и среднего бизнеса служат специализированные департаменты, министерства, занимающиеся вопросами малого и среднего бизнеса в регионе [7, с. 63].

Таким образом, говоря об основных видах поддержки малого и среднего предпринимательства в России, можно разделить данную деятельность на две категории: финансовая и нефинансовая поддержка. К финансовым видам поддержки можно отнести льготное кредитование, поручительские гарантии по кредитам, частичное субсидирование затрат, получение грантов и т.д.

К нефинансовым видам поддержки бизнеса следует отнести консультации по вопросам менеджмента и маркетинга, сопровождение финансового планирования, организация дистанционных встреч предпри-

нимателей для обсуждения вопросов, а также образовательных семинаров, тренингов и т.д.

Несмотря на государственную поддержку субъектов малого и среднего бизнеса, ограничительные меры и локдаун, введенный на фоне пандемии COVID-19 весной 2020 г., привели к значительным негативным экономическим и политическим тенденциям. Предприниматели оказались в ситуации, когда система поддержки предпринимательства стала малоэффективной, что не позволяет обойтись бизнесу без потерь.

Безусловно, наиболее важным условием укрепления позиций страны на международной политической арене и ее эффективной интеграции в мировое хозяйство является стабилизация политической обстановки, однако, реальность движется скорее в противоположном направлении. Россия на международной политической арене представляется рискованным партнером. Кроме того, политический фактор несет некоторую угрозу экономической стабильности: инвестиции в российскую экономику долгосрочного характера становятся сегодня весьма затруднительными ввиду высокого уровня риска, связанного с нестабильностью.

Подводя итог, следует сказать, что государство, общество и предпринимательство оказались в очень сложной ситуации. Российское государство старается создать условия для поддержки субъектов малого и среднего бизнеса, однако оценить эффективность данных мер предстоит в дальнейшем.

Прогнозы международных специалистов подтверждают усиление политической неопределенности и увеличения политических рисков вследствие пандемии COVID-19. Вероятно, долгосрочное воздействие пандемии на политическую систему можно охарактеризовать как внутреннюю трансформацию реализации власти и усиление роли правительства в национальной политике. Очевидно, что в скором времени предвидится отступление от гиперглобализации, так как период пандемии показывает обращение граждан к национальным правительствам, а также стремление государств и крупного национального бизнеса оптимизировать уязвимые задачи и просчитать риски, в том числе политические.

Список источников

1. *Подколзина И.А.* Проблемы дефиниции и оценки политического риска // Вестник МГУ Полит. науки. Сер. 12. 1996. №5. С. 19–33.
2. *Тихомирова И.В.* Политический риск и управление социально-политическими процессами: автореф. на соискание уч. степени канд. полит. наук. М., 1992. 23 с.
3. *Володина К. С.* Проблемы реализации конституционного права граждан на предпринимательскую и иную не запрещенную законом

экономическую деятельность в период пандемии коронавируса (COVID-2019) // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 2. С. 24–27.

4. Соловьева В. Г. Влияние ограничительных мер в связи с новой коронавирусной инфекцией (COVID-2019) на малый бизнес // Journal of Economy and Business. 2020. 9–2 (67). P. 68-72. DOI: 10.24411/2411-0450-2020-10731.

5. Попов М. Ю., Самыгин П. С., Самыгин С. И. К дискуссии об ограничении прав и свобод человека в условиях пандемии // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 4. С. 29–34.

6. Виленский А.В. Российское малое и среднее предпринимательство в начале коронавирусного кризиса: федеральный и региональный аспекты // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. №4. С. 46–57.

7. Кузьмина В.Е., Абрамова И.Е. Поддержка бизнеса в Российской Федерации при помощи налогообложения в период пандемии // Юридический форум: сборник статей II Международной научно-практической конференции. 2020. С. 62–64.

8. Alonso, A. Lombardo, E. Gender Equality and De-Democratization Processes: The Case of Spain // Politics and Governance. 2018. №6. Pp. 78–89.

9. Kaasch, A. Editorial: How to introduce a «standard» Global Social Policy issue in times of COVID-19? //Global Social Policy. 2020. №20. Pp. 137–142.

10. Madouni, A. Will the Pandemic Crisis Covid-19 be a Turning Point in Changing and Bringing a New World Order? // Technium Social Sciences Journal. 2020. Pp. 488–503.

11. Williams, B. The politics of a pandemic // Political Insight. 2020. №11. Pp. 37–39.

References

1. Podkolzina I.A. Problemy definitsii i otsenki politicheskogo riska // Vestnik MGU Polit. nauki. Ser. 12.1996. №5. Pp. 19–33. (in Russian).

2. Tikhomirova I.V. Politicheskii risk i upravlenie sotsial'no-politicheskimi protsessami: avtoref. na soiskanie uch. stepeni kand. polit. nauk. M.,1992. 23 p.

3. Volodina K.S. Problems of Exercising of the Civil Constitutional Right to Entrepreneurial and Other Legally Permitted Economic Operations During the Coronavirus (COVID-19) Pandemic. Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2021, № 2. Pp. 24–27 (in Russian).

4. Solov'eva V. G. Impact of New Coronavirus Infection (COVID-19) Restrictions on Small Businesses. Journal of Economy and Business, 2020, vol. 9-2 (67). Pp. 68–72 (in Russian). DOI: 10.24411/2411-0450-2020-10731.

5. Popov M. Iu., Samygin P. S., Samygin S. I. To the Discussion on the Restriction of Humsn Rights and Freedoms in the Context of a Pandemic.

Gumanitarnye, sotsial'noekonomicheskie i obshchestvennye nauki. Humanities, Social-economic and Social Sciences, 2020, № 4. Pp. 29–34 (in Russian).

6. Vilenskii A.V. Rossiiskoe maloe i srednee predprinimatel'stvo v nachale koronavirusnogo krizisa: federal'nyi i regional'nyi aspekty // Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk. 2020. No 4. Pp. 46–57. (in Russian).

7. Kuz'mina, V.E. Podderzhka biznesa v Rossiiskoi Federatsii pri pomoshchi nalogooblozheniia v period pandemii // Iuridicheskii forum: sbornik statei II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 2020. Pp. 62–64. (in Russian).

8. Alonso, A. Lombardo, E. Gender Equality and De-Democratization Processes: The Case of Spain // Politics and Governance. 2018. №6. Pp. 78–89. (in Russian).

9. Kaasch, A. Editorial: How to introduce a «standard» Global Social Policy issue in times of COVID-19? // Global Social Policy. 2020. №20. Pp. 137–142.

10. Madouni, A. Will the Pandemic Crisis Covid-19 be a Turning Point in Changing and Bringing a New World Order? // Technium Social Sciences Journal. 2020. Pp. 488–503.

11. Williams, B. The politics of a pandemic // Political Insight. 2020. №11. Pp. 37–39.

Автор публикации

Author of the publication

Назмиева Индира Фердинандовна, Государственное казенное учреждение «Центр цифровой трансформации Республики Татарстан, администратор проектов, аспирант 2 года обучения, кафедра политологии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций КФУ.

Indira F. Nazmieva, State Organization "Center for Digital Transformation of the Republic of Tatarstan", project administrator, Institute of Social Science and Philosophy at Kazan Federal University, post graduate student.

Статья поступила в редакцию 02.10.2021; одобрена после рецензирования 08.10.2021; принята к публикации 14.10.2021.

The article was submitted 02.10.2021; approved after reviewing 08.10.2021; accepted for publication 14.10.2021.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 11.09.91

СКАЗКА О ЦАРЕ АСАРХАДОНЕ (1903) В «ЧЕРТКОВСКОМ ВАРИАНТЕ». ПРОБЛЕМА ЭДИЦИИ И ПЕРЕВОДА

Роберта Де Джиорджи
Университет Удине, Италия
г. Удине, Италия
roberta.degiorgi@uniud.it

Аннотация. В статье на архивном, ранее неопубликованном материале рассматривается история текста и публикация одной из сказок Льва Толстого, которая была отредактирована одним из публикаторов Льва Толстого, В.Г. Чертковым.

Ключевые слова: Лев Толстой, Чертков, перевод, текстология

Для цитирования: Де Джиорджи Р. Сказка о царе Асархадоне (1903) в «Чертковском варианте». Проблема эдиции и перевода // Российские исследования. 2021. Т. 2. № 3. С. 15–27

Original article

Philological Sciences

THE TALE OF KING ASSARHADON (1903) IN THE “CHERTKOV VERSION”. A PROBLEM OF EDITION AND TRANSLATION

Roberta De Giorgi
University of Udine
Udine, Italy

Abstract. The article, based on archival, previously unpublished material, examines the history of the text and the publication of one of Leo Tolstoy's fairy tales, which was edited by one of Leo Tolstoy's publishers, V.G. Chertkov.

Keywords: Leo Tolstoy, Chertkov, translation, textual analysis

For citation: De Giorgi R. The Tale of King Assarhadon (1903) in the “Chertkov version”. A problem of Edition and Translation. *Journal of Russian Studies*. 2021;2(3):15–27. (In Russ.).

Среди обширной корреспонденции Толстого и Черткова сохранились и те письма, которые друзья поочередно просили уничтожить «сразу же по прочтению». 17 декабря 1903 Чертков отправил Толстому длинное послание с просьбой уничтожить его сразу же по прочтении. Толстой не удовлетворил эту просьбу, скорее всего, по небрежности, и письмо, неизданное, хранится до сих пор в московском архиве писателя.

В нем речь шла, в основном, об английском переводе Чертковым сказки «Ассирийский царь Асархадон» (1903). Напомним, что в те годы Чертков, высланный из России за свой памфлет в защиту духоборов, находился в Лондоне, и там, в основном, занимался переводами и всеми иностранными изданиями Толстого (с 1898 года) в качестве его единственного литературного агента.

Прочитируем из «не уничтоженного» письма коротенький, но красноречивый фрагмент:

17. 12. 03. н.с.¹ № 112

Посылаю вам при сем мой англ[ийский] перевод «Асархадона». (Всю книжку вышло в другой раз). В моей версии неизбежно вышла некоторая разница против версий, издаваемых в России и переведенных другими переводчиками. Напоминаю вам, как это вышло: Вы мне прислали два варианта, предоставив воспользоваться, каким найду лучше. Я нашел последний вариант несомненно лучшим, но несколько мест в первом варианте, выкинутых во втором, как, напр[имер], эпизод с ослицей, были так хороши и так жаль было выпускать их, что я решил восстановить их. При этом я послал вам этот мой вариант, прося вас, если вы его одобрите, не отвечать мне; а если не одобрите, то сообщить. Не получив от вас возражения, я принял это, по предложенному мною уговору, за знак согласия и счел включенные мною места и вообще весь этот ранний новый вариант за окончательный, одобренный вами. Напоминаю вам об этом только на случай, если кто-нибудь из других издателей или переводчиков стали бы справляться непосредственно у вас о том, какой вариант следует считать окончательным, вы бы вспомнили, каким образом образовался мой вариант и, одобривши его вашим молчанием, не отказались бы потом от него, позабывши о нашей переписке по этому поводу. Нечего говорить, что среди издателей и переводчиков есть люди, которые ввиду, как они считают, моей «манипуляции» ваших писаний, рады каждому случаю подставить мне ножку, и если бы вы на их справку ответили в таких выражениях, которые они могли бы использовать в том смысле, что я в этом случае поступил самовольно, без вашей достаточной санкции и что наш вариант следует поэтому считать не вашим, а составленным мною, – то они с величайшею радостью сообщили бы об этом печатно под предлогом объяснения разницы их варианта с нашим. А из этого возникли бы только недоумения и неприятно-

¹ Н.с. – нового стиля.

сти. Поэтому мне очень хотелось бы, чтобы вы написали бы мне, что одобряете мою версию как окончательную, санкционированную вами. А для того, чтобы вы могли бы поступить в этом случае с открытыми глазами, – и посылаю вам при сем наш вариант по-английски.

Пожалуйста, уничтожьте это письмо тотчас по прочтении» (ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 6. №. 363/1. Л. 1–4 об.)².

О том, что Толстой послал ему два разных варианта сказки свидетельствует их переписка: 24 августа того же года Толстой, по сложившейся традиции выслал списки «Трех сказок» Черткову (См. письмо Толстого к Черткову от 24 августа 1903 г. // ПСС. Т. 88. С. 305)³, и тот, заполучив их, спросил, как поступить с двумя вариантами сказки о царе Асархадоне:

«Вы не объясняете, почему прислали две версии, и прислали ли их на выбор по нашему усмотрению, или желаете, чтобы издали только вторую версию? И мне, и Гале, и всем нам первая сказка больше нравится в первой версии: уже очень жаль выпустить ослицу с осленком (это удивительно трогательно), да и вообще эта первая версия как-то несколько шире захватывает. Не позволите ли вы нам её напечатать, когда будем издавать? (Письмо Черткова к Толстому от 12 сентября 1903 г. н.с. ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 6. №. 356. Л. 1).

Толстой дал ему тут полную свободу: «Две версии я послал вам именно затем, чтобы вы выбрали, какую найдете лучше» (Письмо Толстого к Черткову от 6–7 сентября 1903 г. // ПСС. Т. 88. С. 306). Но Чертков не остановился на чистый выбор одной из двух редакций, а, как сам признался в своем письме, объединил их две на свой личный вкус.

Но вернемся еще к его письму от 17 декабря 1903 [н.с.]. Заявление в нем о том, что он как-то уже послал Толстому свой новый вариант, прося одобрения, вызывает сильное недоумение: во-первых в их переписке за эти месяцы ни разу даже не упоминается этот скомпилированный им [Чертковым] вариант сказки (Письма Черткова этого периода все сохранились, тщательно нумерованные), а во-вторых сам текст варианта нигде не нашелся: ни в архиве Толстого⁴, ни в фондах Черткова. Лишь один единственный раз они обсуждали этот вопрос, и это было в сентябре 1903, когда Чертков получил от писателя полную свободу на выбор одной из двух версий сказки (Письмо Толстого к Черткову от 6–7 сентября 1903 г. ПСС. Т. 88. С. 306).

Очень вероятно, что, уповая на небрежность, с какой писатель относился к большинству своих «второстепенных» сочинений, а также произведений, написанных по чьей-то просьбе, Чертков хитрил [10].

² Ссылки на архивные источники даются в скобках в самом тексте. То, что подчеркнуто в источниках от руки, печатается подчеркнутым. Текст без правки передается прямым простым шрифтом – текст. Текст, вычеркнутый писателем, заключен в угловые скобки – <текст>. Вставка рукописной правки (текст, вставленный писателем или переписчиками) обозначена полужирным шрифтом – **текст**.

³ Ссылки на Полное собрание сочинений Л.Н. Толстого (Юбилейное) с указанием тома и страницы, а также ссылки на архивы даются прямо в тексте.

⁴ В архиве писателя среди рукописей трех сказок этого текста не обнаружено. Рукописи трех сказок хранятся в ОР ГМТ: [Толстой Л.Н. Три сказки]. ОР ГМТ. Ф. 1. Рук. 1–37.

17 декабря [н.с.] вместе с письмом Чертков вложил в конверт и печатный экземпляр своего текста, т.е. перевода, сказки на английском языке (печатный экземпляр перевода сказки – ОР ГМТ. Ф. 1. №. 363/2). Теперь же ему срочно понадобилось одобрение Толстого, чтобы защититься от возможных обвинений в манипуляциях с произведением, тем более что и Эйльмер Моод (1858–1938) собирался в то же время опубликовать на англоязычном рынке свой перевод.

Толстой дал Черткову согласие почти не задумываясь: «Перевод ваш Асархадона получил и вполне одобряю» (Письмо Толстого к Черткову от 18 декабря 1903 г. ПСС. Т. 88. С. 313). Возможно, писатель вообще не читал перевод. Многие из текстов, созданных по чьей-либо просьбе, не удовлетворяли Толстого и потому переставали интересовать сразу по окончании работы над ними – настолько, что он часто даже не читал корректур. Тем более, что с самого начала Толстой считал эти сказки слабыми: «Написал три сказки. Еще плохо, но может быть порядочно» (Толстой Л.Н. Дневник (1900–1903). 25 июля 1903 г. ПСС. Т. 54. С. 188), и еще: «Только нынче кончил сказки и не три, а две. Недоволен» (Толстой Л.Н. Дневник (1900–1903). 20 августа 1903 г. ПСС. Т. 54. С. 189). «Сказки плохи» (Письмо Толстого к Черткову от 9 августа 1903 г. ПСС. Т. 88. С. 302).

Если сравнить вариант Черткова на английском с текстом сказки Толстого, изданной при жизни писателя («Посредник», 1903), сразу можно увидеть, что, во-первых, «чертковская версия» длиннее, и, во-вторых, что она содержит один весьма значительный эпизод, которого нет в издании «Посредника». Как это могло случиться, мы поняли из переписки двух друзей. Но откуда взялся у Черткова этот эпизод – это нуждается в объяснении.

В своем письме Толстому от 17 декабря н.с. Чертков, по сути, признавался в том, что добавил ко второму варианту сказки «эпизод с ослицей и осленком», присутствующий только в первом. Прежде чем разобраться, в чем же именно заключался «филологический маневр» Черткова, представляется необходимым пересказать в общих чертах содержание сказки об ассирийском царе – в том виде, в каком Толстой предлагал ее для русского прижизненного издания в «Посреднике» и в каком мы ее читаем сегодня в его Полном собрании сочинений (Толстой Л.Н. Ассирийский царь Асархадон. ПСС. Т. 34. С. 126–130).

Ассирийский царь Асархадон завоевал царство царя Лаилиэ, разорил и сжег все города, поработил всех жителей, перебил воинов, самого же царя Лаилиэ посадил в клетку, приговорив к смерти. Один старец убедил Асархадона окунуть голову в купель, до краев наполненную водой. И едва он это сделал, сразу же превратился в царя Лаилиэ и почувствовал те самые страдания и мучения, которым он подверг других существ.

Асархадон очнулся и сказал себе: «Ведь я не Лаилиэ, я Асархадон». Спустя мгновение он высунул голову из воды и услышал голос старца: «Ты

и Лаилиэ, ты и Асархадон. <...>. Понял ли ты теперь, – продолжает старец, – что Лаилиэ – это ты, и те воины, которых ты предал смерти, – ты же».

В последующие дни Асархадон освободил Лаилиэ и других пленников, отменил казни, передал власть своему сыну, а сам удалился в пустыню и «...стал ходить в виде странника по городам и селам, проповедуя людям, что жизнь одна, и что люди делают зло только себе, когда хотят делать зло другим существам» (Толстой Л.Н. Ассирийский царь Асархадон. ПСС. Т. 34. С. 126–130).

Как уже сказано, упомянутый Чертковым эпизод с «ослицей и осленком» присутствует в его английском переводе, вышедшем во «Free Age Press» и отправленном Толстому вместе с письмом от 17 декабря н.с. ([Печатный экземпляр перевода сказки на английский язык]. ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 6. №. 363/2). В русском тексте, изданном «Посредником» (1903), нет эпизода с «ослицей и осленком»; не найдем мы его и в «Полном собрании сочинений», где сказка публиковалась на основе версии, подготовленной Буланже для «Посредника», с исправлениями по рукописям (Эйхенбаум Б.М. «Три сказки». История писания и печатания. ПСС. Т. 34. С. 55б; имя царя было изменено с «Ассархадон» на «Асархадон»).

Нигде в «Полном собрании сочинений» Толстого – ни в комментариях к сказкам, ни в комментариях к письмам Толстого к Черткову за 1903 год – нет указания на существование этих двух печатных версий сказки об Асархадоне.

Впрочем, в неизданных «Примечаниях к переписке» между двумя друзьями сохранилась заметка (почерк явно принадлежит Черткову), относящаяся к письму Черткова от 12 сентября 1903 года н.с., из которой вытекает, что «...в английском переводе Ч-ва сказка о царе Ассархадоне появилась в первой версии, т.е. с упоминаемым в письме эпизодом об ослице, причем в издании С.А. Толстой <...> выпущен эпизод про ослицу с ослинком, о котором говорится в письме В.Г. Черткова, необходимо иметь в виду этот вариант для напечатания его в выпусках “Толстой. Памятники жизни и творчество”» (Примечания к переписке Л.Н. Толстого с В.Г. Чертковым 1901–1903 (3) [1922?]. НИОР РГБ. Ф. 435. Оп. 35. Ед. хр. 4. Л. 241-242)⁵.

В версии, скомпилированной Чертковым, Асархадон, прежде чем поднять голову из воды и окончательно очнуться, превращается еще в несчастную ослицу, которая беспомощно наблюдает смерть своего осленка, пораженного стрелой и потом заколотого «существом на двух ногах» («two-legged being – a man») [3, с. 11].

Этот своего рода «сон во сне» еще более усиливал обличительный пафос Толстого, поднимая тему насилия над животными, столь важную для писателя (с середины 1880-х годов вегетарианца по этиче-

⁵ В изд. Софьи Андреевны сказка издавалась по тексту «Посредника» (см.: [2]. В серии «Толстой. Памятники жизни и творчество» сказка не печаталась).

ским соображениям) и еще более важную для Черткова, чье самое первое эссе было яростным выступлением против охоты [4]. И, если бы Толстой уничтожил письмо, это могло быть доказательством того, что Чертков «фальсифицировал» сказку.

Компиляция Черткова была, безусловно, основана на рукописях Толстого, но на каких именно? Разные редакции сказки о царе Асархадоне хранятся вместе с рукописями остальных двух сказок в московском архиве писателя ([Л.Н. Толстой. «Три сказки»]. ОР ГМТ ф. 1. Рук. 1–37)⁶.

Эпизод с «дикой ослицей» появляется уже в раннем автографе Толстого, датированном 24 июля 1903 года: «Ас[архадон] содрогається, делает последнее усилие и просыпается не быком уже, а дикой ослицей, кормящейся на горах с своим сосущим ее осленком. Небо чисто, никого не видно, но вдруг с свистом летит что то и ударяет в бок...» ([«Ассирийский царь Асархадон»]. ГМТ. Ф. 1. Рук. 3. Л. 4 об. Эта ранняя редакция была уже опубликована с некоторыми неточностями А. Бемом в 1919 [5, с. 2-4]).

Эта редакция была опубликованная А. Бемом в 1919. В примечании к тексту он уточняет, что рукопись эта находилась в рукописном отделе Российской Академии Наук (LXXXII/4), среди прочих бумаг, переданных из архива В.Г. Черткова, раньше хранившегося в Англии [5, с. 4]. Но Чертков не из этой редакции вычеркнул известный эпизод с ослицей: ее текст не совпадает с текстом, изданным Чертковым.

В этом автографе, как в последующих редакциях сказки о царе Асархадоне, сохранившихся в машинописных копиях с исправлениями Толстого (я ссылаюсь на копии машинописи № 16 и 20), Асархадон, чувствуя себя Лаилиэм, прежде чем окончательно очнуться, по очереди «просыпается» «уставшим поселянином», «воином которого ведут в войну», «ребенком девочкой», «быком, тащащим плуг» и, наконец, «дикой ослицей с осленком» (Имеются в виду следующие машинописные копии: [«Ассирийский царь Асархадон»]. ГМТ. Ф. 1. Рук. 16. Л. 6–8 и Рук. 20. Л. 4–7).

В машинописной копии, которой в архиве присвоен номер 23, Толстой значительно сокращает количество превращений царя:

«Окунись еще», – строго сказал старец и опять зачерпнул в кружку воды и опрокинул ее на темя Асархадона.

Асархадон, не чувствуя в себе силы послушаться, опять окунулся головой. И вот Асархадон видит себя дикой ослицей. Вокруг него, играя, скачет кругом темно-серый с ремнем на спине длинноногий осленок. Небо чисто, никого не видно, но вдруг со свистом летит что-то и ударяет в бок Асархадона, чувствующего себя ослицей ([«Ассирийский царь Асархадон»] ГМТ. Ф. 1. Рук. 23. Л. 3–4; сказка «Ассирийский царь Асархадон» подверглась здесь новому значительному исправлению (см. также: [6. С. 448–449]).

⁶ В своей работе опираюсь исключительно на эти тексты (автографы и машинописные копии исправлениями внесенными автором или перенесенными переписками).

Однако же в более поздней копии, обозначенной в архиве как № 26, также машинописной, со значительными исправлениями автора, читаем: «Асархадон, чувствуя себя <Лаилиэм> **ЭТИМ ВОИНОМ**, <вскрикивает> **испытывает непереносимый ужас** и <вспоминает, что это может быть сон> делает еще боль<ш>ее, чем прежде, усилие, чтобы проснуться, **и он просыпается**, но просыпается **опять** не Асархадон Царем, **и не Лаилиэм, и не воином**, а <дикой ослицей> **каким-то четвероногим животным**. <Вокруг> **Подле** него **кругами** скачет, играя, темно-серый с ремнем по спине длинноногий осленок, **и он понимает, что он ослица**» ([«Ассирийский царь Асархадон»]. ОР ГМТ Ф. 1. Рук. 26. Л. 5–6; машинописные копии с № 17 по 19, несохранившиеся целиком, не содержат ту часть сказки с различаются «превращениями» Асархадона).

И в следующей по архивной классификации машинописной копии за №27 царь «просыпается» еще два раза: «Асархадон, чувствуя себя <воином> **этим юношей** <испытывает непереносимый ужас>, **не может более переносить этого страдания** и делает еще большее, чем прежде, усилие, чтобы проснуться, и он просыпается, но просыпается **опять** не Асархадон Царем, и не Лаилиэм, и не воином, а каким-то четвероногим животным. <...> **Подкинув сзади**, осленок со всего разбега подскакивает к <матери> **ней и**, подталкивая гладкой мордочкой под живот, **ищет соска и, найдя его, затихает, равномерно глотая. Асархадон, сознавая себя ослицей, испытывает блаженное чувство движения жизни в себе и в своем детеныше**» ([«Ассирийский царь Асархадон»]. ОР ГМТ. Ф. 1. Рук. 27. Л. 3).

В машинописи копии № 28 Толстой, еще не выделив эпизод с ослицей, вносил в «превращениях» Асархадона лишь некоторые несущественные исправления ([«Ассирийский царь Асархадон»]. ОР ГМТ. Ф. 1. № 92/28. Л. 8–9).

Существуют три экземпляра текст машинописной копии № 28 (в исправленном виде), указанные в архиве как №№ 29, 30 и 31 и содержащие исправления, внесенные самым Толстым или перенесенные рукой переписчиками, хотя эти исправления не всегда совпадают между собой (ОР ГМТ. Ф. 1. №№ 29; 30 и 31; в машинописной копии № 29, см. также [б. С. 450–451]).

В копии № 29, как и в двух остальных дубликатах рукописи № 28, стоят машинописная подпись Толстого и дата 15 августа [1903]; во всех этих трех копиях Асархадон, прежде чем окончательно очнуться, просыпается в облике юноши, а потом ослицы: «Асархадон, чувствуя себя этим юношей, не может более переносить этого страдания. **Этого не может быть. Это сон, думает он** и делает <еще больше, чем прежде> усилие, чтобы проснуться, **и просыпается**, но просыпается **опять** не Асархадон царем и не Лаилиэм, и не воином, а каким-то <четвероногим> животным. <...> **Подкинув задом**, осленок со всего разбега подскакивает к

Асархадону и, подталкивая его под живот гладкой мордочкой, ищет соска и, найдя его затихает, равномерно глотая. Асархадон понимает, что он ослица, мать осленка, и это не удивляет и не огорчает, а скорее, радуется ему. Он испытывает блаженное чувство **одновременного** движения жизни в себе и в своем детеныше» ([Ассирийский Царь Асархадон]. ОР ГМТ. Ф. 1. Рук. 29. Л. 5. См. также: Рук. 30. Л. 5 и Рук. 31. Л.5).

В машинописи с исправлениями Толстого, обозначенной как № 34, следующей по архивной классификации, где сказка сохранена целиком, исчезает и юноша, и эпизод с ослицей, поэтому, как и в тексте, изданном «Посредником», там отсутствуют какие-либо очередные превращения героя⁷:

Печатный экземпляр № 34 (ОР ГМТ. Ф. 1. Рук. 34. Л. 6.	Издание «Посредника» (1903), С. 11-12
<p>– Сейчас смерть, уничтожение, – думает Лаилиэ и, забывая свое решение выдержать мужественно спокойствие до конца, рыдая, молит о пощаде. Но никто не слушает его <и он сам не слышит своего голоса. И он чувствует, что начинается мучительная казнь>.</p> <p>– Да это не может быть, – думает он, – я, верно, сплю. Это сон. – И он делает усилие, чтобы проснуться. – Ведь я не Лаилиэ, я Асархадон, – думает он.</p> <p>– Ты и Лаилиэ, ты и Асархадон, – <говорит ему> слышит он какой-то голос и чувствует, что казнь начинается.</p>	<p>– Сейчас смерть, уничтожение, – думает Лаилиэ и, забывая свое решение выдержать мужественно спокойствие до конца, он, рыдая, молит о пощаде. Но никто не слушает его.</p> <p>– «Да это не может быть, – думает он, – я, верно, сплю. Это сон». И он делает усилие, чтобы проснуться. – Ведь я не Лаилиэ, я Асархадон, – думает он.</p> <p>– Ты и Лаилиэ, ты – и Асархадон, – слышит он какой-то голос и чувствует, что казнь начинается.</p>

Вернемся к компиляции Черткова. Очень вероятно, что 24 августа Толстой отправил ему (Черткову) какой-то дубликат машинописной копии № 28 с исправлениями автора, дубликат сегодня потерянный, но очень близкий к исправленной копии № 29, и отправил также новую «окончательную» редакцию сказки, без эпизода ослицы, доработанную в последующие дни (предположительно печатный экземпляр № 34 в ис-

⁷ Машинописные копии №№ 32 и 33 (ОР ГМТ. Ф. 1) содержат ту часть сказки «Ассирийский царь Асархадон», не включающую разных превращений царя. Копия № 32 является остатком дубликата несохранившегося машинописного оригинала, и № 34 – остаток дубликата предыдущей рукописи, с новыми исправлениями автора (см. [6, с. 451-452]). Учитывая все это, мы не можем с точностью сказать, в какой копии Толстой выделил эпизод с дикой ослицей.

правленном виде) (См. письмо Черткова Толстому от 24 августа 1903 г. ПСС. Т. 88. С. 305).

Чертков, как он и сам признается, использовал «первую версию» только частично, взяв из него эпизод с ослицей и осленком, о котором упоминал в своем письме к Толстому от 12 сентября 1903 года н.с. (Письмо Черткова к Толстому от 12 сентября 1903г. г. н.с. ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 6. №. 356. Л. 1.) На самом деле его компиляция не остановилась на одном эпизоде с дикой ослицей: он взял и другие короткие фрагменты, значительно менее яркие.

Английский текст (изданный «Free Age Press», 1903), действительно, содержит большую вставку, которая воспроизводит – с минимальными разночтениями – эпизод с ослицей, содержащийся в машинописной копии № 29.

Источники компиляции Черткова	<i>King Assarchadon and other Storie.</i> «Free Age Press», London 1903. P. 9–11
<p>«– Да это не может быть, – думает он, – я, верно, сплю. Это сон. – И он делает усилие, чтобы проснуться. – Ведь я не Лаилиэ, я Асархадон, – думает он.</p> <p>(Печатный экземпляр № 34. ГМТ. Ф. 1. Рук. 34. Л. 6)</p> <p>и делает <еще больше, чем прежде> усилие, чтобы проснуться, и просыпается, но просыпается опять не Асархадонном царем, и не Лаилиэм, и не воином, а каким-то <четвероногим> животным.</p> <p>Асархадон удивляется тому, что он <четвероногое> животное. А вместе с тем <ему кажется, что это не может быть иначе> удивительно, что он не знал этого прежде.</p> <p>Он пасется в долине, срывая зубами сочную траву и отмахиваясь от мух длинным хвостом и испытывая странное чувство тяжести в переполненном молоком вымени. Вокруг него, играя, скачет темно-серый с ремнем по спине длинноногий осленок. Подкинув задом, осленок со всего разбега подскакивает к Асар-</p>	<p>«Surely this cannot be», he thinks. «I am probably asleep. This is dream».</p> <p>And he makes an effort to awake. «But I am not Lailiey, I am Assarchadon, he thinks, and he does indeed awake to find himself neither Assarhadon nor Lailiey, but some kind of an animal.</p> <p>Assarhadon is astonished that he is an animal. And at the same time he is astonished that he did not know this before.</p> <p>He is grazing in a valley, tearing the succulent grass with his teeth, brushing away flies with his long tail, and experiencing a strange feeling of heaviness in his udder. Around him is sportively gambolling a long legged, dark grey ass-colt with a stripe down his back. Kicking up its hind legs, the colt gallops up at full speed to Assarhadon, and poking him under the stomach with his smooth little muzzle, searches for the teat, and finding it, quiets down, swallowing regularly. Assarhadon</p>

хадону и, подталкивая его под живот гладкой мордочкой, ищет соска и, найдя его, затихает, равномерно глотая. Асархадон понимает, что он ослица, мать осленка, и это не удивляет и не огорчает, а скорее, радует его. Он испытывает блаженное чувство **одновременного** движения жизни в себе и в своем детеныше. Но вдруг со свистом летит что-то и ударяет **его** в бок <Асархадона> и острием впивается в его кожу и мясо. <Асархадон и> **Испытывая** жгучую боль, **Асархадон, он же и ослица**, вырывает вымя из зуб осленка <и приложив уши>, скачет к стаду ослов, от которых он отбился. Осленок, не **от**<пере>ставая, скачет у его ног. Они уже подбегают к шараявшемуся стаду, как **вдруг** другая стрела ударяет со свистом в шею осленка, впивается в нее и дрожит в ней. Осленок жалобно хрипит и падает на передние колени. Асархадон не может оставить его и останавливается над ним. Осленок приподнимается, шатается на длинных, тонких ногах и падает <опять>. П<ри>**од**бегает **странное двуногое существо** человек и перерезает горло осленка.

<Это н> **Не** может быть, это **опять сон** <слишком жестоко>, – думает Асархадон и делает последнее усилие, чтобы проснуться.

(Машинописная копия № 29. ГМТ. Ф. 1. Рук. 29. Л. 5 и 6)

Он <испытывает ужасную боль,> вскрикивает и в то же мгновение высовывает голову из купели. Старец стоит над ним, выливая ему на голову последнюю воду из кружки.

(Печатный экземпляр №34. ГМТ. Ф. 1. Рук. 34. Л. 6).

understands that he is a she-ass, the mother of the colt, and this neither astonishes him nor grieves him, but rather gladdens him.

He experiences the blissful feeling of the simultaneous movement of life in himself and his offspring. But suddenly, with a whistling sound, something flies near and hits him in the side, and with its sharp point, penetrates into his skin and flesh. Feeling a burning pain, Assarhadon, who is at the same time the ass, tears the udder from between the colt's teeth, and laying back his ears, gallops to the herd of asses, from which he had dropped behind.

The colt keeps up with him, galloping by the side of his legs. They are already running up to the herd, which has started off, when suddenly another arrow at full speed strikes the colt's neck. It penetrates and quivers in the flesh. The colt sobs piteously and falls on his knees. Assarhadon cannot abandon him, and remains standing over him. The colt gets up, sways on its long thin legs, and falls again.

A fearful two-legged being-a man-runs up, and cuts the colt's throat.

"This cannot be, it is again a dream," thinks Assarhadon, and makes a last effort to awake.

He utters a slight cry, and at the same moment thrusts his head out of the bath, and sees the old man is remaining in the jug over his head.

И так в Англии в конце 1903 г. познакомились со сказкой о царе Асархадоне в двух версиях: в версии, переведенной Моодом, где очевидно не присутствовал эпизод с ослицей, а в чертковском, где он был. Но не только в Англии, где издания «Free Age Press» имели тогда очень много читателей, но и во Франции узнали её в варианте не-авторском, раз автор французского перевода, Владимир Биншток (1868–1933), получил их списки непосредственно от Черткова (См. [письмо Черткова В. Бинштоку от 5. 11. 03 н.с.] НИОР РГБ. Ф. 435. Картон. 115. Ед. хр. 58. Л. 4).

Впервые они были опубликованы в газете «Le Temps» в конце 1903г. [7]. Когда, спустя два года, Биншток включил свой перевод «Трех сказок» в сборник о Толстом, он оставил свой перевод сказки о царе Асархадоне таким, каким он появился в «Le Temps», внося в него разве что минимальные стилистические поправки [8]. И в Италии первое издание сказки о Асархадоне воспроизведено из варианта Черткова – очень вероятно в «La Nuova antologia» [9] получили текст прямо от Бинштока⁸.

Не ошибся Владимир Бонч-Бруевич отправляя в феврале 1930 года Черткову, в то время главному редактору «Полного собрания сочинений», письмо, косвенно проливающее свет на удивительную непринужденность, с какой Чертков привык распоряжаться текстами Толстого: «Ты должен очень хорошо учитывать то обстоятельство, что в нашей современной общности имеется очень много лиц, <...> которые и устно, и печатно неоднократно заявляют, что у тебя есть тенденция изменения рукописей Толстого по твоему личному усмотрению и что согласия Льва Николаевича на эти изменения нередко бывали потому, что Л. Н. просто не придавал большого значения тем или другим твоим исправлениям его работ, но для академического издания это, конечно, далеко не всё равно. Мы должны дать именно тот текст Льва Николаевича Толстого, который написан и исправлен его собственной рукой и никем иным» (Письмо Вл. Бонч-Бруевича к Ч. от 20 февраля 1930 г. цит. по: [11. С. 156]).

Одно только неуничтоженное письмо, и открылась новая эпопея в истории эдиции и перевода этой полузабытой сказки, касающаяся не просто текстологического вопроса, а скорее всего о буре, что разразилась всякий раз, когда Толстой, еще отказавшийся от авторских прав на произведения, написанных им после 1881 года, отправлял в печать новый текст, даже если речь шла о тонкой незначительной сказке.

⁸ В письме Бинштока Черткову от 9 ноября 1903 г. н.с. читаем «Разрешите ли Вы мне поместить эти легенды в одном итальянском журнале («Nuova Antologia» «Rivista Moderna»)». ОР ГМТ. Ф. 60. Оп. 13. Инв. № 14. Л. 2 об.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений (Юбилейное) в 90 тт. 1928–1958.
2. Толстой Л. Н. Сочинения графа Л. Н. Толстого. 12-е изд. Москва: Типография товарищества И. Н. Кушнерев и К°, 1911. Ч. 11. С. 457–462.
3. Tolstoy L. King Assarhadon and other Stories. Translated by V. Tchertkoff and I.F.M. [Isabella Fyvie Mayo]. London: The Free Age Press, 1903.
4. Чертков В.Г. Злая забава. Мысли об охоте // Новое время. 13 XI 1890, № 5284 (отд. изд.: СПб., 1890 [ценз. изд.] и М., 1896).
5. Бем А. (Ассирийский царь Асархадон. Ранняя редакция сказки Л.Н. Толстого с вводной заметкой А. Бема // Братство. Изд. Общества Истинной свободы в память Л Толстого. Киев. Выпуск 1. 1919. С. 2–4.
6. Описание рукописей художественных произведений Л. Н. Толстого / сост. В. А. Жданов, Э. Е. Зайденшнур, Е. С. Серебровская ; общ. ред. В. А. Жданова; Акад. наук СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького, Гос. музей Л. Н. Толстого М-ва культуры СССР. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. С. 442–452.
7. L. Tolstoï. Trois questions // «Le Temps». 14 Décembre 1903. P. 3 ; Отдельно изд.: Conte L.N. Tolstoï. Dernières Paroles (1902–1905). Trad. Par J.-W. Bienstock. Paris: Mercure de France, 1905. P. 279–291.
8. Le roi d'Assyrie Assarkadon// Conte L.N. Tolstoï. *Dernières Paroles* (1902–1905). Trad. J.-W. Bienstock. Paris: Société du «Mercure de France» 1905. P. 269–278.
9. Tolstoï. Assarkadon, re d'Assiria // Nuova Antologia, 16 dicembre 1903. Fascicolo 768. P. 561–570.
10. De Giorgi R. «Ma io La amo tanto che non posso non dirLe tutta la verità». L'epistolario Tolstoj-Čertkov (1883–1910) // Sincerità di Tolstoj. Saggi sull'opera e la fortuna a 100 anni dalla morte / a cura di D. Rebecchini e L. Rossi, Milano: Cisalpino Istituto editoriale universitario, 2012. P. 89–104.
11. Карлова Т.С. Как создавалось первое полное (юбилейное) собрание сочинений Л.Н. Толстого // Карлова Т.С. Лев Толстой в движении истории. Казань: Издательство Казанского университета. 1978. С. 129–171.

References

1. *Tolstoy L.N. Polnoe sobranije sochinenij* (The complete works) (Jubilee) in 90 vol. 1928-1958.
2. *Tolstoy L. N. The works of Count L. N. Tolstoy*. 12-th ed. Moscow: Printing House of the partnership I. N. Kushnerev and Co., 1911. Part 11. Pp. 457-462. (in Russian)
3. *Tolstoy L. King Assarhadon and other Stories*. Translated by V. Tchertkoff and I.F.M. [Isabella Fyvie Mayo]. London: The Free Age Press, 1903. (in Russian)

4. *Chertkov V.G. Zlaja zabava. Mysli ob okhote (An Evil Pastime) // No-voe vremja. 13. XI. 1890, No. 5284 (ed. St. Petersburg, 1890 [censored ed.] and M., 1896). (in Russian)*

5. *Bem A. (Assyrian king Assarhadon . Early edition of Tolstoy's fairy tale with an introduction) // Brotherhood. Ed. The Society of True Freedom in memory of L Tolstoy. Kiev. Issue 1. 1919. P. 2-4. (in Russian)*

6. *Opisanie rukopisej Tokstogo (Description of manuscripts of Tolstoy's literary works of art, L.N. Tolstoy) / comp. V. A. Zhdanov, E. E. Sejdenschnur, E.S. Serebrovskaya (ed.); the General editorship of V. A. Zhdanov; Acad. of Sciences, Institute of world lit. named after A. M. Gorky; the Museum of L. N. Tolstoy, Ministry of culture of the USSR. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1955. pp. 442-452. (in Russian)*

7. *L. Tolstoj. Trois questions // «Le Temps». 14 Décembre 1903. P. 3 ; Отдельно изд.: Conte L.N. Tolstoj. Dernières Paroles (1902–1905). Trad. Par J.-W. Bienstock. Paris: Mercure de France, 1905. P. 279–291.*

8. *Le roi d'Assyrie Assarkadon // Conte L.N. Tolstoj. Dernières Paroles (1902–1905). Trad. J.-W. Bienstock. Paris: Société du «Mercure de France» 1905. P. 269–278.*

9. *Tolstoj. Assarkadon, re d'Assiria // Nuova Antologia, 16 dicembre 1903. Fascicolo 768. P. 561–570.*

10. *De Giorgi R. «Ma io La amo tanto che non posso non dirLe tutta la verità». L'epistolario Tolstoj-Čertkov (1883–1910) // Sincerità di Tolstoj. Saggi sull'opera e la fortuna a 100 anni dalla morte / a cura di D. Rebecchini e L. Rossi, Milano: Cisalpino Istituto editoriale universitario, 2012. P. 89–104.*

11. *Karlova T.S. How the first complete (jubilee) collection of works by L.N. Tolstoy was created // Karlova T.S. Leo Tolstoy in the movement of history. Kazan: Kazan University Press. 1978. Pp. 129–171. (in Russian)*

Автор публикации

Author of the publication

Де Джорджи Роберта – профессор, Департамент языков и литературы, коммуникации, образования и общества Университета г. Удине, Италия.

Roberta De Giorgi – Professor, Department of Languages and Literature, Communication, Education and Society, University of Udine, Italy.

Статья поступила в редакцию 02.10.2021; одобрена после рецензирования 08.10.2021; принята к публикации 14.10.2021.

The article was submitted 02.10.2021; approved after reviewing 08.10.2021; accepted for publication 14.10.2021.

Научная статья
УДК: 81`25

Филологические науки

ИНСТРУМЕНТЫ ПЕРЕВОДЧИКА

Аннелиза Аллева

Римский университет Ла Сапиенца
г. Рим, Италия
annelisa.alleva@gmail.com

Аннотация. В статье на примере собственного опыта работы переводчика рассматриваются приемы работы с текстом, проникновения в его внутреннюю организацию за счет изучения, вчувствования в каждое слово.

Ключевые слова: перевод, Лев Толстой, проза, поэзия

Для цитирования: Аллева А. Инструменты переводчика // Российские исследования. 2021. Т. 2. № 3. С. 28–32.

Original article

Philological Sciences

TRANSLATOR'S TOOLS

Anneliza Alleva

Sapienza University of Rome
Rome, Italy
annelisa.alleva@gmail.com

Abstract. The article, using the example of the translator's own experience, examines the techniques of working with the text, penetrating into its internal organization by studying, feeling into every word.

Keywords: translation, Leo Tolstoy, prose, poetry

For citation: Alleva A. Translator's Tools. *Journal of Russian Studies*. 2021;2(3):28–32. (In Russ.).

Некоторое время назад умер писатель Robert M. Pirsig, автор известного романа *Zen or the Art of Motorcycle Maintenance* («Дзен или искусство ремонта мотоцикла», 1974). Чтобы Вам объяснить в двух словах, что такое перевод для меня, я бы сказала: это мой дзен, моя личная форма ремонта мотоцикла.

В студенческое время, когда мне одно стихотворение очень нравилось при чтении, допустим стихотворение А. Ахматовой, я просто думала, как можно его перевести на итальянский, и стала это делать. Перевод ведь одной формой восхищения, попыткой присвоения текста. Перевод тебя заставляет пересоздавать твой собственный язык, чтобы его приспособить к чужому, но все-таки близкому тебе языку. Автор своим

произведением тебя провоцирует, он как будто сильно хотел бы выразиться на твоём языке, но не может. Тебе приходится ему помогать. Моя дочь, после того как прочла мои переводы стихов Пушкина, воскликнула: «Это – не Пушкин написал эти стихи, а ты их написала. Ты притворяешься и скрываешься за ним». Это, естественно, с её стороны самый большой невольный комплимент, но за этим скрывается ещё что-то очень глубокое. Когда это возможно – и в этом случае так и было – ты выбираешь собственного автора, и выбираешь среди его сочинений те стихи, которые больше к тебе подходят, ищешь сходного автора, чтобы выразить свои чувства через него, не подписывая его слова, а отвечая только за свой перевод.

Я бы сказала, он, автор, тебя превращает в нечто иное, новое, так как ты, через перевод, тоже каким-то образом, придаешь ему новый свой оттенок. В результате автор, например Пушкин, будет в твоём языке чуть более похож на тебя, а ты, раз ты тоже автор, будешь более похожа на него. То, что называется осмос.

Когда читаешь иностранный текст и надо его перевести, погружаешься в чужой язык, и, раз умеешь плавать, доплывешь до дна и вернешься к поверхности воды, сохраняя в руке знак твоего старания: горсть мокрого, холодного песка. Песок является твоей победой: правильным словом на твоём языке. Под водой, во время метафорического погружения, происходит компенсация: из-за изменения давления своими двумя ушами-языками надо найти новое равновесие. Переводчик – водолаз. Его скафандр сделан из словарей. После того что ты почти утонул и потом научился плавать, у тебя останется навсегда опыт временного исчезновения с задержкой дыхания, и опыт перерождения в другом языке. Это относится и к личности автора: через него ты можешь поменять свой пол, возраст, менталитет, эпоху, в которой ты живешь. После такого опыта сумеешь войти в чужую голову и в чужую психику, и, следовательно, убудет может быть способность стать хорошим критиком.

Это, в конце концов, то, что называют дзен.

Кто переводит с русского на итальянский язык, совершает очень длинное путешествие.

В итальянском языке есть артикль, употребляется глагол «essere» – «быть»; алфавит – латинский, и состоит из 21 буквы; структура фразы не такая гибкая, как в русском языке. Итальянскому переводчику надо привести в движение тяжелый механизм, чтобы приспособить собственную языковую систему к совершенно другой, представляющей ему в русском языке.

Я, например, перевела роман «*Анна Каренина*» Льва Толстого примерно за полтора года, но были еще замечания, надо было написать послесловие. Я перечитывала роман много раз, и проверки не заканчивались, потому что перевод меня не удовлетворял целиком, и поэтому я

его постоянно изменяла. Каждый раз он становился мне ближе и ближе, и задача обрабатывать текст становилась более сложной. Ты ведь при-выкаешь и к переводу не совсем блестящему; он может тебе казаться совершенным, законченным, ярким, и перевод на самом деле не таков, только из-за того что нам становится привычным.

Я прочитала роман в первый раз много лет назад, когда училась в университете, и сохраняла два бежевых тома романа десятитомного издания с карандашной аннотацией по-итальянски непонятных слов на полях страницы.

Когда однажды мне неожиданно позвонил писатель Aldo Busi, тогдашний директор серии главных романов в переводе «I classici classici di Frassinelli», который мне предложил перевести «Анну Каренину», я стала перелистывать в уме самые трудные страницы романа: те, в которых Толстой описывает полевые сезонные работы: посев, сенокос, урожай. Все равно я сразу согласилась. Первая трудность, с которой сталкиваешься, переводя Толстого, именно эта: Толстой, как помещик, глубоко знал жизнь деревни с ее циклами. А современный человек, тем более литературный переводчик, вряд ли ее знает. Если тебе надо описать сенокос, и ты об этом понятия не имеешь, надо найти кого-то, кто это знает, и может тебе описать, каким образом мужики выступали по полю и как именно они работали, разделяя почву на части. Раз ты не понимаешь процесс действия, невозможно передать это читателям, и перевод будет конечно плохим.

Еще, чтобы перевести роман, надо знать нравы той эпохи. Слуги, например, никогда не показывали свою спину хозяевам и, даже выходя из комнаты, не поворачивались. Толстой ничего не объясняет и не описывает, потому что это всем тогда было известно. Переводчикам надо представлять сцену такой, какой ее видел Толстой в своем воображении, даже в деталях, отсутствующих в книге. Тогда она ясно представится современному, иностранному читателю.

Кроме этих принципиальных трудностей, были, конечно, и другие, более тонкие, касающиеся подтекста романа. Во время перевода я не читала особенно литературную критику о романе. Я попросту хотела его открыть естественным образом, постепенно. Например, некоторые слова повторяются, и повторение слов употреблено по-разному Толстым. В самом начале романа, например, писатель повторяет слово «дом», и во многих сложных словах его включающих («домочадцы», и т.п.), наверно, чтобы нам объявить главную тему романа. Дальше он распространяет по роману прилагательное «спокойный» или существительное «покой». Я составила себе мнение о том, что Толстой в этом случае хочет подчеркнуть, наоборот, общее беспокойство, царящее в романе, и повторяет слова, с этим связанные, чтобы создать противоположный эффект. Конечно, этот прием в толстовском стиле заслуживает отдельного, специ-

фического исследования. Естественно, надо повторять в переводе те же слова, не предпочитая синонимы и не боясь их все сохранить в тексте.

Еще. Если подтекст Толстой получает в наследство от Пушкина, он продолжает более старую традицию в выборе говорящих фамилий. «Каренина», например, происходит от русского слова «кара», и значит «наказание». Тем более что «Каренина» – ее фамилия замужем, и ее кара связана с ее супружеской жизнью, с ее изменой. В фамилии Анны заявлен ее несчастный конец, ее несчастная неизбежная судьба. Как это перевести на иностранный язык? Никак. Можно это объяснить только отдельно, в предисловии. Фамилия «Каренина» создает родство между романом Толстого и романом Достоевского «Преступление и наказание», написанном за десять лет до «Анны Карениной», в 60-ые годы XIX века.

Стиль Толстого только кажется простым. Есть отрывок во второй части его автобиографической трилогии «Детство, отрочество, юность» (1852-1857), где он утверждает свой общий литературный стиль по контрасту. В те годы Толстой был занят достижением хороших манер, *comme il faut*, и вспомнил двух школьных товарищей, разночинцев, о которых пишет с осуждением: «Например, они употребляли слова *глупец* вместо *дурак*, *словно* вместо *точно*, *великолепно*, вместо *прекрасно*, *движучи* и т. п., что мне казалось книжно и отвратительно непорядочно» [1, Т.2, с.215]. По видимости, Толстой хочет показать нам жизнь такой, какой она и есть, это – его цель, и изображать ее трезвым, ровным стилем. Владимир Набоков написал что «он открыл способ, представляющий жизнь, который очень приятно и четко совпадает с нашим представлением о времени» [2, с. 173]. Борис Эйхенбаум написал что «люди его текучи» [3, с. 151]. Например, в начале романа у Вронского всегда «крепкие сплошные зубы» («Вронский покатился со смеху. И долго потом, говоря уже о другом, закатывался он своим здоровым смехом, выставляя свои крепкие сплошные зубы, когда вспоминал о каске» [1, Т.18, с. 122]), но потом, после смерти Анны, к концу романа, когда он собирается уехать на войну, у него зубы болят [1, Т.19, с. 361].

С другой стороны, за педагогом Толстым, за аскетом, строгим учителем хороших манер есть ученик Пушкина, архитектор совершенно литературного создания. Как Пушкин, Толстой пользуется словами символическим образом, устанавливая тайную связь между разными лицами романа. Как Пушкин, Толстой пользуется поэтическими средствами, создавая в сюжете, через персонажей, то ли открыто, то ли тайно, симметрию очень похожую на рифму.

На самом деле тайны писателя, которые превращаются в советы переводчику, находятся в самих произведениях автора, и надо тогда хорошо познакомиться с его текстами, с его вкусом, хотела бы сказать с его характером, с его жизнью, и впоследствии с литературой о нем, чтобы глубоко проникнуть в текст и его перевести.

Я была очень рада, когда оказалось, что мои первые впечатления утвердились и Толстой представился мне хозяином каждого слова, страницы, каждого заключения главы, которому надо было быть эффективным, потому что роман публиковался сериями в литературном журнале той эпохи, «Русский Вестник». Лев Толстой, без компьютера, а с помощью жены Софьи Андреевны, которая переписывала разные версии романа, совершенствовал роман до того, что он получился прозрачной геометрией из сюжетных рифм, из сходств, из метафор, из аллегорий, именно как происходит в мире поэзии.

Список источников

1. *Толстой Л.* Полное собрание сочинений (Юбилейное): В 90 тт. Москва. 1928-1958.
2. *Набоков В.* *Lezioni di letteratura russa.* Milano Garzanti, 1994.
3. *Эйхенбаум Б.* Лев Толстой, семидесятые годы. Ленинград: Художественная литература, 1974.

References

1. *Tolstoy L.* *Polnoje sobranije sochinenij* (The complete works) (Jubilee): In 90 vol. Moscow. 1928-1958. (In Russian)
2. *Nabokov V.* *Lezioni di letteratura russa.* Milano Garzanti, 1994.
3. *Eichenbaum B.* *Lev Tolstoj v 70-e gody* (Leo Tolstoy, the seventies). Leningrad: Fiction, 1974. (In Russian)

Автор публикации

Аллева Аннелиза – известный итальянский переводчик, эссеист, преподаватель.

Author of the publication

Anneliese Alleva – a well-known Italian translator, essayist, teacher

Статья поступила в редакцию 02.10.2021; одобрена после рецензирования 08.10.2021; принята к публикации 14.10.2021.
The article was submitted 02.10.2021; approved after reviewing 08.10.2021; accepted for publication 14.10.2021.

Научная статья
УДК 82.0

Филологические науки

ФОРМИРОВАНИЕ РЕПУТАЦИИ ЧЕХОВА КАК ПИСАТЕЛЯ МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ИТАЛИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Юлия Евгеньевна Грезина

Миланский государственный университет

г. Милан, Италия

yulia.grezina@unimi.it

Аннотация. В рамках данной статьи рассматриваются принципы формирования образа Чехова как массового писателя в Италии в первой половине XX века. Основным источником для исследования стали разыскания в архивах и библиотеках Италии, а также изучение культурного контекста распространения изданий Чехова в Италии и степени их популярности в указанный период. В статье рассматриваются основные этапы знакомства читателей с текстами русского классика, характеризуются критерии выбора текстов переводчиками и издателями на фоне тенденций социальных процессов в итальянском обществе. Рассмотрение и анализ материала в данной перспективе позволяет сделать выводы о репутации Чехова как массового писателя в Италии в период до Второй мировой войны, который писал преимущественно для развлекательных целей и для людей с низким социальным статусом.

Ключевые слова: литературная репутация Чехова, Чехов в Италии, массовая литература, переводы Чехова, издания Чехова за рубежом

Для цитирования: Грезина Ю.Е. Формирование репутации Чехова как писателя массовой литературы в Италии в начале XX века // Российские исследования. 2021. Т. 2. № 3. С. 33–42.

Original article

Philological Sciences

DEFINITION OF CHEKHOV'S PERCEPTION AS A MASS LITERATURE WRITER IN ITALY AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

Yulia E. Grezina

The University of Milan

Milan, Italy

Abstract. The focus of this article is on the principles of the definition of the image of Chekhov as a mass literature writer in Italy in the first half of the twentieth century. The main sources for the research were consultations of the documents in archives and libraries of Italy, as well as the study of the

cultural context of the distribution of Chekhov's publications in Italy and the degree of their popularity during the mentioned period. The article examines the main milestones of acquaintance of readers with the texts of the Russian classic, it also describes the criteria for choosing texts by translators and publishers against the background of trends in social processes in Italian society. Consideration and analysis of the material in this perspective allows us to draw conclusions about Chekhov's reputation as a mass literature writer in Italy in the period before World War II, who wrote mainly for entertainment purposes and for people with low social status.

Keywords: Chekhov's literary reputation, Chekhov in Italy, mass literature, translations of Chekhov's works, Chekhov's editions abroad.

For citation: Grežina Y.E. Definition of Chekhov's perceptios as a mass literature writer in Italy at the beginning of the 20th century. *Journal of Russian Studies*. 2021;2(3):33–42. (In Russ.).

Русский читатель привык относиться к А.П.Чехову как к классику русской литературы. Еще при жизни он стал восприниматься как большой и известный писатель, примкнув к триаде Толстой – Достоевский – Чехов. Именно с этими именами, прежде всего, связывается русская литература на западе, как об этом писала еще Вирджиния Вульф в своем эссе «Русская точка зрения» [1]. С этих писателей начинается знакомство с русской классикой и современный иностранный читатель. Сложно представить себе, что на другом пространственно-временном отрезке это было не так и что Чехов, которого мы сейчас считаем одним из символов русской литературы и театра, мог восприниматься совсем иначе и в другой перспективе.

В Италии Чехова начинают переводить еще при жизни. Первым рассказом, который был представлен итальянской публике на ее родном языке был «Тиф» (1890), но, скорее всего, эта публикация осталась незамеченной [2]. С довольно большим отрывом по времени в 1898 Доменико Чамполи и Ольга Пажес переводят повесть «Мужики», которая выходит отдельным изданием. В первые годы XX века на итальянский переводится множество коротких рассказов, среди которых такие: «Зиночка», «Упразднили», «Ванька», «Черный монах», «Рассказ госпожи NN», «Дом с мезонином», «Шуточка», «Ионыч», «Тоска», «Дорогие уроки», «Пари», «Соседи», «Мальчики», «Из записок вспыльчивого человека», «Свирель», «Припадок», «Шампанское», «Страх», «Печенег», «Скрипка Ротшильда», «Хирургия», «Лошадиная фамилия», «Смерть чиновника» и другие. Среди них выделяется повесть «Дуэль», которой в этом первом издании переводчик предпочел название *L'amore libero. Nadjesda. Romanzo* («Свободная любовь. Надежда. Роман» – перевод мой. Ю.Г.).

В это время славистика в Италии только начинает зарождаться. Нет кафедр русского языка и литературы. Они появятся несколько поз-

же. Изучать русский язык можно только в частном порядке. Тем не менее, в Италии есть знатоки русской культуры, увлеченные своим предметом, которые относятся к нему профессионально. Назовем имена Дзино Дзини, Федерико Вердинуа, Арденго Соффичи, Эвы Амендола [3]. Довольно активны в данный период переводчики из эмигрантской среды, в совершенстве владеющие русским языком, но выполняющие перевод на иностранный для них язык, с чем связано не всегда высокое качество переводов. Наиболее известны среди них Леонардо Кочемски, Ольга Резневич-Синьорелли, Сергей Ястребцов, Нина Романовская [4]. Позднее в практику входят переводы «в четыре руки», когда носители языка-источника и языка перевода работают вместе.

Помимо этого, некоторые произведения Чехова параллельно выходят в сборниках и антологиях русской и общеславянской литературы, например, «*Novelle russe*» [5], в который вошли произведения Тургенева, Гаршина, Генрика Синкевича (этот последний, конечно, польский писатель, но по каким-то соображениям составителя или по неведению новелла «На Олимпе» попала в сборник русских авторов) или «*Risate russe*», в который помимо трех рассказов Чехова вошли произведения Аверченко, Теффи, Куприна, Дорошевича, Будищева, Каменского и других [6].

На середину 20-х - 30-е гг. в Италии приходится становление славы как науки. На первый план выходят специалисты своей области Этторе Ло Гатто, Энрико Дамиани, Джованни Мавер, Пьеро Гобетти, Ада Проспери, Лев Гинзбург и др.

В 1926 г. известный славист Альфредо Полледро открывает издательство «Славия», которое специализируется на издании переводов русских писателей. В серии «*Il Genio Russo*» выходит несколько томов сочинений Чехова. В частности, с 1927 по 1934 гг. выходят следующие сборники:

Il duello; Tre anni, содержащий повести «Дуэль» и «Три года».

La mia vita e altri racconti, содержащий повесть «Моя жизнь», рассказы «Рассказ неизвестного», «Именины», «Пари».

La camera n. 6 : racconti, содержащий рассказы «Палата №6», «Учитель», «Тяжелые люди», «Гусев», «Бабы», «Враги», «Кошмар», «Святой ночью», «Счастье», «Тиф», «Ванька», «Свирель», «Перекасти-поле», «Задача».

Era lei!...: novelle umoristiche, содержащий около пятидесяти ранних рассказов писателя.

La steppa: racconti, содержащий повесть «Степь» и рассказы «Скучная история» и «Жена».

Il monaco nero: racconti, содержащий «Черный монах», «Бабье царство», «Попрыгунья», «Припадок», «Княгиня», «Страх», «Скрипка Ротшильда», «Спать хочется», «Несчастье».

La casa col mezzanino: racconti, содержащий повесть «Мужики», рассказы «Дом с мезанином», «Холодная кровь», «Новая дача», «Володя»,

«Анна на шее», «В родном углу», «Володя большой и Володя маленький», «Хорошие люди», «Печенег», «В ссылке», «На подводе», «Отец».

Un delitto: racconti, содержащий рассказы «Убийство», «Поцелуй», «Учитель словесности», «Ариадна», «Соседи», «Каштанка», «Воры», «В усадьбе», «Студент», «Без названия», «Супруга», «Тайный советник», «Шампанское», «Из записок вспыльчивого человека», «Тссс!» [7].

Значение данного издательства в качестве проводника русской литературы и, конечно, прозы Чехова в Италии трудно переоценить. Это были первые издания с качественными переводами напрямую с русского языка, выполненные специалистами. Отметим, что до этого переводы часто выполнялись с уже существующих и более доступных, чем русские, французских переводов, что, естественно, не могло не сказаться на их качестве. Помимо указанных изданий в первые десятилетия XX века выходит множество других переводов Чехова на итальянский язык, которые включают как хрестоматийные и известные вещи русского классика, так и менее известные рассказы раннего периода его творчества. В 1928 г. издается полный сборник театральных пьес Чехова под редакцией Карло Грабера [8]. Всего в период с 1900 по 1939 гг. выходит около 110 отдельных изданий чеховских произведений на итальянском языке.

Борьба за точность и академичность переводов характеризует этот период развития итальянской славистики. В своих статьях и эссе славист Лев Гинзбург отстаивал принципы достоверного перевода, который должен быть выполнен с соблюдением стилистики оригинала и без искажения фактов с упорядоченной орфографией имен собственных [9]. С этим связано появление указаний на книгах о том, что перевод выполнен напрямую с языка-источника, без посредничества текстов на других иностранных языках.

Появление многочисленных изданий переводов произведений Чехова в Италии совпадает с несколькими важными культурными процессами указанного периода:

- постепенное увеличение городского населения;
- повышение общей доли грамотного населения в стране, что частично было обусловлено уже отмеченным изменением демографической ситуации в Италии;
- воспитание народных масс через культуру и, в частности, через национальную и зарубежную литературу при давлении цензуры утверждающегося фашистского режима;
- зарождение и становление издательств (как следствие предыдущих предпосылок), что было обусловлено потребностями как общества, так и политикой государства.

Причем две эти тенденции: контроль масс и влияние на них через культуру со стороны власти и воспитание масс со стороны издательств, - кажутся смежными и связанными. Но в Италии этого времени они резко

разнонаправлены. Интеллектуалы, которые стояли у истоков известных издательских домов (Fratelli Treves Editori, Casa Editrice G.Carabba, Slavia и в конце Einaudi и др.), видели в литературе средство открыть границы для итальянских читателей, расширить их культурный горизонт до европейских и мировых масштабов. В этой перспективе итальянская культура и литература должны были обогащаться за счет этого и занять свое место в мировом культурном пространстве наравне с другими национальными культурами. Просвещение народных масс должно было привести к повышению их социальной активности, увеличению их общей культуры и уровня духовных потребностей в соответствии с идеями интеллектуалов.

Официальная государственная линия в области культуры отдавала предпочтение всему итальянскому, преувеличивая его ценность по сравнению с европейским и мировым искусством в широком смысле и выдвигая на первый план достоинства и достижения национальной культуры, уничтожая европейский и мировой контекст. К тому же, фашистский режим жестко вводил цензурные меры в сфере литературы и культуры вообще. Это касалось и текстов русских авторов. В государственном плане эти меры имели целью не столько ограничить образовательные процессы в народе, сколько направить их в патриотическое русло, внедрить формы сознания, подчиненные идеологии и привить отсутствие сомнений в средствах и силе власти.

Рост массовой культуры был целью как для фашистского режима, так и для оппозиции, но диаметрально противоположными были средства и методы для ее достижения. Как пишет исследователь культуры Ф.Биллиани, и фашизм, и итальянская интеллигенция «хотели создать читающую массу, которая однако не находила национальный литературный контекст, позволявший определить ее идентичность, поскольку великая Италия утратила культурное превосходство на родине и за ее пределами. Снова завоевать это превосходство не значило отказаться от иностранного, но составить ему достойную конкуренцию» (перевод мой – Ю.Г.).[10] Соответственно переводы воспринимались новыми издательствами как средство для распространения идей в Италии (в том числе прогрессивных и реакционных), и тиражирование текстов должно было помочь возрождению национальной итальянской литературы и преодолению ее маргинальности.

Как вписывались в данный контекст переводы конкретно Чехова? В этот период издания его рассказов на итальянском языке адресовались довольно широкому кругу читателей. Это определялось рядом объективных факторов:

Чехов – русский писатель, а литература данного региона мало известна европейскому читателю начала XX века, как и вообще русский культурный дискурс. С этим связан неподдельный интерес ко всему русскому как экзотическому. Политическая ситуация в мире, Первая мировая война

и русская революция естественным образом повышают этот интерес и включают русскую культуру в общеевропейский и в мировой контекст.

Усиление в Италии 20-х – 30-х гг. интереса именно к переводной литературе, т.к. она становится неким символом новизны, экзотичности.

Сама поэтика чеховских рассказов определяет нишу, которую они начинают занимать. В большинстве своем это короткие тексты часто юмористической окраски на темы повседневности и без излишнего психологизма и моральных оценок. Малая форма с такими характеристиками ассоциируется с литературой широкого потребления и, конечно, находит своего читателя среди непритязательных слоев нарождающихся горожан, которые ищут в литературе и чтении, прежде всего, развлечения и веселого времяпровождения.

Интерес к русской литературе из-за стремления понять идеологию далекой огромной империи и познакомиться хотя бы отдаленно с менталитетом ее жителей использовался издательствами в коммерческих целях. Они ориентировались на него в выборе авторов и текстов, в формировании сборников и т.д. «Издательские установки по позиционированию выдающихся произведений зарубежной литературы, большей частью недорогих по цене, ставили их парадоксальным образом в ряды бросовой литературы <...>. Классики или нет, авангардисты или серийная литература, издательства стремились предложить книги, которые были бы понятны городским жителям и были бы доступны им с точки зрения уровня языка», - отмечает Ф.Биллиани в своем исследовании итальянской культуры первой половины XX века (перевод мой – Ю.Г.) [11]. Библиографические исследования и непосредственное знакомство с первыми итальянскими изданиями Чехова подтверждает этот факт. Подавляющее большинство этих книг выполнено в дешевом и доступном формате без особых притязаний на академичность.

Обилие переводов русской литературы, их тиражи и степень распространности, по всей видимости, определили тот интересный факт, что фашистская цензура была к ним довольно толерантна и часто вообще не замечала. Об этом, в частности, пишет историк русской литературы Л.Бегин [12]. Такое положение дел не могло дать дополнительный стимул к их распространению.

Все перечисленные факторы влияли и на то, что издательства не стремились выпустить новые тексты и перевести новые рассказы. В сборниках Чехова 20-х гг. часто помещаются уже известные новеллы в новых переводах. Часто название в новом переводе не совпадает с названием оригинального текста и с названием уже существующих переводов. Таким образом, создается некая, хоть и поверхностная, иллюзия еще большего разнообразия.

Приведем один небольшой, но показательный пример. Рассказ «Мальчишки» вышел в самом начале '900-х гг. под названием «Ragazzi»

(«Мальчики» - (перевод мой – Ю.Г.)), в 1924 году он выходит в новом переводе по названию «Le vacanze natalizie di Volodia» («Рождественские каникулы Володи» - (перевод мой – Ю.Г.)), а в издании 1932 г. уже фигурирует как «Montigomo artiglio d'avvoltoio» («Монтигомо ястребиный коготь» - (перевод мой – Ю.Г.)).

Выбор конкретных чеховских текстов определялся не только тематикой, стилистикой и объемом. Свою роль играла доступность оригинального текста. Найти и доставить издания на русском языке часто для итальянцев представляло собой довольно большую сложность. Этим отчасти объясняется и уже упомянутое осуществление переводов с других языков: прежде всего, французского, но также и немецкого и английского. Распространенность и относительная популярность иностранных изданий Чехова влияла и на отбор отдельных рассказов. Переводились рассказы, которые имели успех и чаще всего включались в издания в других странах. Многие издания Чехова на французском и английском были представлены в городских библиотеках в Италии [13]. Можно также предположить, что и многие первые переводы чеховских рассказов и пьес производились даже если и с оригинала, но с одновременной консультацией иностранного переводчика, что, конечно, упрощало процесс, да и сокращало сроки выполнения работы.

Консультация сохранившихся изданий Чехова на итальянском языке в архивах и городских библиотеках подтверждает его популярность. По сохранившимся отметкам на форзацах библиотечных книг иногда можно проследить историю их читателей. Так, например, в городской библиотеке г.Бергамо сборник рассказов Чехова «Скучная история» 1905 г. (Čehov, A.P. Storia noiosa / Antonio Cechow ; prima traduzione italiana sull'originale russo di Nina Romanowsky, Milano : Casa editrice moderna, 1905 (Milano : Tip. Milanese), только в течение 1908 года читатели брали 12 раз. Выбор включенных в него рассказов таков: «Скучная история», «Шуточка», «Живая хронология», «Произведение искусства», «Драмма», «Канитель», «Хирургия», «Ну, публика!», «Лошадиная фамилия», «Неосторожность», «Дорогие уроки», «Смерть чиновника», «Из огня да в полымя», «Выйгрышный билет», «Беззаконие», «Ненастье», «Шведская спичка», «Нахлебники», «Сильные ощущения», «Зеркало». По содержанию понятно, что итальянский читатель во многих случаях знакомился не с теми рассказами, которые мы считаем хрестоматийными, поэтому Чехов открывается для него в несколько другой перспективе.

Переводы Чехова в Италии в первые десятилетия XX века вписались в местный литературный и культурный контекст. Проза русского классика востребована как в издательствах, так и у широких масс читателей. Судя по количеству изданий его переводов он популярен и его книги были, помимо всего, еще и коммерческим успехом для итальянских издательств периода 20-х – 30-х гг. XX в. В силу различных обстоя-

тельств культурного и политического плана чеховская проза попадает в этот период в разряд массовой литературы, адресованной различным группам читателей. Доступность книг русского писателя в смысле их низкой стоимости и их распространенность укрепляет его популярность и закрепляет за фигурой Чехова образ писателя для простого народа, непретенциозного, без замаха на высокие материи, которые предпочитает низкий развлекательный стиль.

Такое восприятие Чехова изменится только после Второй мировой войны к середине 50-х годов, когда возрождающиеся издательства в сотрудничестве с профессиональными переводчиками и славистами приступят к работе над академическими изданиями писателя, над полными собраниями его рассказов, а также дневниками и эпистолярным наследием.

Список источников

1. Вулф В. Русская точка зрения // Писатели Англии о литературе, М.: Прогресс, 1981.

2. Рассказ вышел в периодическом издании *Fanfulla della Domenica*, который издавал в Риме литератор и политик Фердинандо Мартини с 1879 по 1919 гг. Переводчик остался неизвестен.

3. *Palmieri A.*, *La letteratura russa in Letterature straniere in Italia*, "Ibidem", anno V, n. 3, marzo, 1922, pp. 37-38.

4. Электронный ресурс – Русские в Италии. <http://www.russinitalia.it/index.php?lang=ru> (дата консультации 29/01/2021).

5. AA.VV., *Novelle russe*, traduzione di F. Verdinois, Napoli, Detken & Rocholl, 1901.

6. AA.VV., *Risate russe: novelle umoristiche moderne / Anton Cechov ...* [et al.] ; versione diretta dal russo e prefazione di Alfredo Polledro, Torino ; Genova : Lattes, 1926. Подробнее о сборниках русских писателей в Италии в работе Scandura, C., *Letteratura russa in Italia. Un secolo di traduzioni*, Bulzoni, Roma, 2002.

7. *Il duello; Tre anni / Anton Cechov* ; prima versione integrale e conforme al testo russo con note di Giovanni Faccioli, Torino, Slavia, 1927.

8. *La mia vita e altri racconti / Antòn Cèchov* ; versione integrale e conforme al testo russo con note di Giovanni Faccioli, Torino, Slavia, 1928.

9. *La camera n. 6: racconti / Anton Cechov* ; versione dal testo russo con note di Giovanni Faccioli, Torino, Slavia, 1929.

10. *Era lei! ...: novelle umoristiche / Anton Cechov* ; versione integrale dal russo di Giovanni Faccioli, Torino, Slavia, 1929.

11. *La steppa: racconti / Anton Cechov* ; versione integrale dal russo con note di Zino Zini, Torino, Slavia, 1930.

12. Il monaco nero: racconti / Antòn Cèchov ; versione integrale dal russo con note di Giovanni Faccioli, Torino, Slavia, 1931.
13. La casa col mezzanino: racconti; versione integrale dal russo con note di Giovanni Faccioli, Torino, Slavia, 1931.
14. Un delitto : racconti / Anton Cechov ; prima versione integrale e conforme al testo russo con note di Giovanni Faccioli, Torino, Slavia, 1934.
15. Teatro completo / Anton Cecov ; traduzione dal russo con introduzione di Carlo Grabher, Firenze : Vallecchi, 1928.
16. Cfr. статьи Л.Гинзбурга в Ginzburg, L., Lettere dal confino 1940-1943, a cura di Luisa Mangoni, Einaudi, Torino, 2004; и Ginzburg, L., Scritti, a cura di D.Zucaro, con introduzione di N. Bobbio, Einaudi, Torino, 1964.
17. Billiani F., Culture nazionali e narrazioni straniere: Italia, 1903-1943, Le lettere, Firenze, 2007, p.19.
18. Ivi., pp.119-120.
19. *Beghin L.*, Da Gobetti a Ginzburg. Diffusione e ricezione della cultura russa nella Torino del primo dopoguerra, Istituto storico belga, Roma, 2007, p. 86.
20. Tonini Steidl L., La divulgazione della cultura russa in Italia: letture e lettori al Gabinetto G. P. Vieusseux, in L. Finocchi e A. Gigli Marchetti (a cura di), Editori e lettori: la produzione libraria in Italia nella prima metà del Novecento, Franco Angeli, Milano, 2000, L. Beghin, op.cit., pp.34-39.

References

1. *Woolf, V.*, L'anima russa. Dostoevskij, Čechov, Tolstoj, Roma, 2015.
2. This novel was published in the newspaper *Fanfulla della Domenica* kept by Ferdinando Martini in Rome from 1879 till 1919. The translator is unknown.
3. *Palmieri A.*, La letteratura russa in Letterature straniere in Italia, "Ibidem", anno V, n. 3, marzo, 1922, pp. 37-38.
4. Electronic source – Russians in Italy. <http://www.russinitalia.it/index.php?lang=ru>
5. AA.VV., *Novelle russe*, traduzione di F.Verdinois, Napoli, Detken & Rocholl, 1901.
6. AA.VV., *Risate russe: novelle umoristiche moderne / Anton Cechov ... [et al.] ; versione diretta dal russo e prefazione di Alfredo Polledro*, Torino ; Genova : Lattes, 1926. Подробнее о сборниках русских писателей в Италии в работе Scandura, C., *Letteratura russa in Italia. Un secolo di traduzioni*, Bulzoni, Roma, 2002.
7. Il duello; Tre anni / Anton Cechov ; prima versione integrale e conforme al testo russo con note di Giovanni Faccioli, Torino, Slavia, 1927.
8. La mia vita e altri racconti / Antòn Cèchov ; versione integrale e conforme al testo russo con note di Giovanni Faccioli, Torino, Slavia, 1928.
9. La camera n. 6: racconti / Anton Cechov ; versione dal testo russo con note di Giovanni Faccioli, Torino, Slavia, 1929.

10. Era lei! ...: novelle umoristiche / Anton Cechov ; versione integrale dal russo di Giovanni Faccioli, Torino, Slavia, 1929.

11. La steppa: racconti / Anton Cechov ; versione integrale dal russo con note di Zino Zini, Torino, Slavia, 1930.

12. Il monaco nero: racconti / Antòn Cèchov ; versione integrale dal russo con note di Giovanni Faccioli, Torino, Slavia, 1931.

13. La casa col mezzanino: racconti; versione integrale dal russo con note di Giovanni Faccioli, Torino, Slavia, 1931.

14. Un delitto : racconti / Anton Cechov ; prima versione integrale e conforme al testo russo con note di Giovanni Faccioli, Torino, Slavia, 1934.

15. Teatro completo / Anton Cecov ; traduzione dal russo con introduzione di Carlo Grabher, Firenze : Vallecchi, 1928.

16. Cfr. статьи Л.Гинзбурга в Ginzburg, L., Lettere dal confino 1940-1943, a cura di Luisa Mangoni, Einaudi, Torino, 2004; и Ginzburg, L., Scritti, a cura di D.Zucaro, con introduzione di N. Bobbio, Einaudi, Torino, 1964.

17. Billiani F., Culture nazionali e narrazioni straniere: Italia, 1903-1943, Le lettere, Firenze, 2007, p.19.

18. Ivi., pp.119-120.

19. *Beghin L.*, Da Gobetti a Ginzburg. Diffusione e ricezione della cultura russa nella Torino del primo dopoguerra, Istituto storico belga, Roma, 2007, p. 86.

20. *Tonini Steidl L.*, La divulgazione della cultura russa in Italia: letture e lettori al Gabinetto G. P. Vieusseux, in L. Finocchi e A. Gigli Marchetti (a cura di), Editori e lettori: la produzione libraria in Italia nella prima metà del Novecento, Franco Angeli, Milano, 2000, L. Beghin, op.cit., pp.34-39.

Автор публикации

Author of the publication

Грезина Юлия Евгеньевна – преподаватель русского языка как иностранного на факультете иностранных языков и литературы в Миланском государственном университете, г. Милан, Италия; аспирант в Университете г. Бергамо.

Grežina Yulia – lecturer of the Russian language at the faculty of Foreign Languages and Literature at the University of Milan, Italy; PhD student at the University of Bergamo, Italy. Università degli Studi di Milano Dipartimento di Lingue e Letterature Straniere Sezione di Slavistica p.zza S. Alessandro, 1.20123 Milan, Italy.

Статья поступила в редакцию 02.09.2021; одобрена после рецензирования 08.10.2021; принята к публикации 14.10.2021.

The article was submitted 02.09.2021; approved after reviewing 08.10.2021; accepted for publication 14.10.2021.

Научная статья
УДК 82.0

Филологические науки

ИНФЕРНАЛЬНЫЕ ГЕРОИ В ПОВЕСТИ А. КУПРИНА «ОЛЕСЯ»

Елена Анатольевна Бажанова

Казанский (Приволжский) федеральный университет
г. Казань, Россия
helene.bazhanova@gmail.com

Аннотация. В статье дается определение понятию «инфернальный герой», которое не имеет конкретики в современном литературоведении из-за его специфичности. Имея много общего с архетипом, инфернальный герой отличается от него своим происхождением, поведением, предназначением, которыми наделяет его писатель. Автором статьи предпринимается попытка объяснить причину возникающей амбивалентности при восприятии женских образов, отмечаются общие и полярные особенности героинь повести, восходящие к истокам славянской мифологии.

Ключевые слова: инфернальный герой, амбивалентность, естественный человек

Для цитирования: Бажанова Е.А. Инфернальные герои в повести А. Куприна «Олеся» // Российские исследования. 2021. Т. 2. № 3. С. 43–50

Original article

Philological Sciences

INFERNAL HEROES IN A. KUPRIN'S STORY "OLESYA"

Elena A. Bazhanova

Kazan Federal University
Kazan, Russia

Abstract. The article defines the notion of «infernal hero», which has no specifics in the modern literary criticism because of its specificity. Having much in common with the archetype, infernal hero differs from it to its origins, conduct, purpose, which gives him a writer. Author attempts to explain the resulting ambivalence in the perception of women's images and common features of the polar and heroines story, which is going back to the origins of Slavic mythology.

Keywords: infernal hero, ambivalence, a natural person

For citation: Bazhanova E.A. Infernal heroes in A. Kuprin's story "Olesya". *Journal of Russian Studies*. 2021;2(3):43–50. (In Russ.).

В исследовательских работах последнего времени встречается понятие «инфернальный герой», трактование которого ещё не разработано, а потому представляет научный интерес. Возникает сложность в определении данного термина из-за его специфичности, следствием чего является необходимым привлечение знаний из других областей наук: религиоведения, фольклористики, этики, философии... Чаще всего инфернальный герой отождествляется с «архетипом» [1, 2, 6, 8, 9, 11]. Однако понятие «архетип» также не имеет на сегодня общепринятого определения, что еще больше осложняет намеченную нами задачу - уточнить данный термин, поскольку это даёт ключ к пониманию амбивалентных, неоднозначных литературных образов, таких, например, как Олеся в одноименной повести А. Куприна.

Наше определение «инфернальности» основывается на установлении «происхождения» существа/человека, его поступков и мироощущения: если своим возникновением/рождением он обязан силам зла, то, безусловно, это герой инфернальный, даже если он творит добро — поскольку изначально в нём содержится потенциал зла и тьмы (который может однажды выплеснуться наружу при неожиданных обстоятельствах, а его носитель не способен контролировать использование потустороннего ресурса). Под «инфернальным героем» мы понимаем также героя, который полностью или отчасти обладает сверхъестественными способностями, подчиняющимися дьяволу или верит в свое темное предназначение. В таком понимании инфернальный герой не всегда совпадает с архетипом.

Проанализировав повесть А. Куприна «Олеся», мы убедились в присутствии в ней двух инфернальных героев: старой Мануйлихи и её внучки Олеси. Согласно существующим научным исследованиям упомянутой повести, эти образы принято рассматривать как отражение темы «естественного человека» вслед за традициями Ж.-Ж. Руссо, Д. Дефо, А.С. Пушкина. Однако, следует подчеркнуть, что обе героини представлены в произведении неоднозначно: сквозь призму видения рассказчика читатель воспринимает их то как ведьм, то как обездоленных, изгнанных обществом женщин, считает их своеобразными носителями мудрости, естественности и доброты. Олеся и ее бабушка противопоставляются угрюмым крестьянам. Мануйлиха обладает определёнными знаниями, она говорлива и речь её, в отличие от жителей деревни, отличается грамотностью. Крестьяне не признавали Мануйлиху «своей» за ум и отличие от них, а, когда её проклятие совпало со смертью ребёнка молодой, деревня прогнала «ведьму». Так из человека «ведающего», из вудуньи она стала ведьмой.

В повести А. Куприна нашла своё специфическое отражение славянская мифология, которая допускала существование в природе неизвестных человеку сил и законов. Люди считали, что многие из этих за-

конов известны избранным, к которым издревле складывалось неоднозначное отношение: их считали «ведунами», то есть обладающими тайными знаниями о природе, во власти которой находился человек (из санскрита «веда» — «священное знание»). Такими избранными считались ведьмы. Познание тайны природы не разумелось как что-то греховное, а потому изначально ведьма не воспринималась как существо демоническое. Образ ведьмы известен и распространён во многих мировых культурах. Анализируя научные работы, посвященные мифическим существам стран Европы [4, 5, 6, 10], мы убедились, что только в славянской мифологии существовало лояльное отношение к ведьмам. Ведовство, то есть знание, не считалось преступлением, судебные дела против ведьм возбуждались только в случае обвинения конкретного лица в нанесении ему конкретного вреда. Со времён принятия христианства в народном понимании образ ведьмы претерпел своеобразное деление на ведьму «вредоносную» (таких ведьм часто называли колдуньями), и ведьму «добрую», которая помогала людям (знахарка). Таким образом, в образе ведьмы сочетаются и древнеславянские архаические верования, и книжно-христианские представления о ведовстве.

Сказанное выше подчёркивает важную особенность характера и Олеси, и Мануйлихи – амбивалентность. Старуха отмалчивается о своём прошлом, но считает себя ведьмой, которая не делает зла людям. Олеся с одной стороны называет себя отдавшей душу дьяволу, с другой стороны, представленная сквозь призму восприятия Ивана Тимофеевича, вызывает к себе явную симпатию как человек, живущий в гармонии с природой, пренебрегающий общественным мнением, отличающимся узостью мысли. В течение всего повествования прослеживается амбивалентное отношение к действительности самого Ивана Тимофеевича. Так, с самого начала повесть получает мифологический, отчасти демонический оттенок: когда главному герою поступило предложение поехать в Полесье, он с радостью согласился, надеясь услышать от людей, живущих на лоне природы, сюжеты интересных, самобытных легенд и сказаний для своих будущих произведений. Ожидания его не оправдались, поскольку крестьяне оказались неразговорчивыми и привыкшими к самоунижению перед «панычами». Момент, когда читатель знакомится с происходящими событиями, неблагоприятен для рассказчика и его слуги, поскольку за окном начался сильный ветер, из-за чего нужно было отменить на следующий день охоту на зайцев. Действа бешеного ветра внушали герою мистический ужас: «Ветер <...> бесился, как старый озябший голый дьявол. В его реве слышались стоны, визг и дикий смех. Метель к вечеру расходилась еще сильнее. Снаружи кто-то бросал в стекла окон горсти мелкого сухого снега. Недалекий лес роптал и гудел с непрерывной, затаенной, глухой угрозой... Ветер <...> оживлялся странными звуками, к которым я прислушивался с невольной тревогой. Вот точно вздохнуло что-то в белой зале, вздохнуло глубоко, прерывисто, печально. Вот заходили и заскрипели где-то

<...> половицы <...>. Чудится мне <...> кто-то осторожно и настойчиво нажимает на дверную ручку и потом, внезапно разъярившись, мчится по всему дому, бешено потрясая всеми ставнями и дверьми, <...> скулит <...> жалобно <...> то поднимая все выше, все тоньше свой голос, до жалобного визга, то опуская его вниз, до звериного рычания» [3, с. 99]. Чтобы не молчать, герой интересуется у Ярмолы, откуда такой неистовый ветер и узнаёт новое для себя: оказывается, полесовщик (как и все в деревне) твердо убежден, что сильный ветер производится либо рождением ведьмы, либо свадьбой черта. Расспрашивая о ведьмах Полесья, Иван услышал в ответ историю о Мануйлихе, местной колдунье. У главного героя возникло желание во что бы то ни стало побывать у неё, что и случилось однажды, когда он сбился с дороги на охоте и попал в болото. Беспрерывно увязая в трясине, он, наконец, взобрался на пригорок, откуда увидел дом Мануйлихи: «Это даже была не хата, а именно сказочная избушка на курьих ножках. Она не касалась полом земли, а была построена на сваях, вероятно, ввиду половодья, затопляющего весной весь Ириновский лес. Но одна сторона ее от времени осела, и это придавало избушке хромой и печальный вид» [3, с. 104]. Отметим амбивалентность восприятия героем жилища: с одной стороны, под влиянием Ярмолы-рассказчика и собственного разыгравшегося воображения он видит перед собой сказочную избушку на курьих ножках, с другой стороны — он сам себе объясняет, чем вызвана такая ассоциация.

Войдя в дом, Иван инстинктивно искал глазами черного кота или сову, доказывающих деятельность их хозяйки, но таковых не оказалось. Образов в доме не было, что могло быть только у людей «нечистого». Не было в нём и привычных, модных в то время картин на стенах с изображением охотников и генералов. В доме была Мануйлиха, на вид — типичная ведьма (грубая, старая, сгорбленная, с коричневым лицом, с острым подбородком, беззубая, с глазами злой птицы...), она «скубла» куриные перья (ведьмин знак; однако, внимательный читатель найдет далее в тексте упоминание «крупничка», в состав которого входило куриное мясо. Поскольку Олеся покупала на базаре только соль и чай, то можно сделать вывод: Мануйлиха держала кур). Заговорив с ней, Иван услышал в ответ звук, похожий на карканье вороны (ещё один ведьмин знак). Присмотревшись, он решил, что перед ним вовсе не ведьма, а всего лишь сумасшедшая женщина. Этим визитёр объяснил себе механическую работу старухи под бормотание слов, смысл которых был ему непонятным. В её бормотании рассказчик разобрал несколько слов, среди которых были: «Ногами егозит, стрекочит, сокочит — чистая сорока...» [3, с. 106]. Эти слова, незначительные при любых других условиях, приобретают вполне осмысленное значение, понятное читателю и непостижимое для Ивана: старуха говорит о ребёнке, об Олесе, когда та была маленькой. Важным является в этих словах намёк на демоническое пере-

воплощение: издавна верили в то, что ведьма может принимать зооморфный вид.

Олеся, в отличие от своей бабушки, была далека от привычного образа ведьмы. Молодая, около двадцати лет от роду, смелая, решительная, с подозрительным взглядом и злой усмешкой, когда речь шла об обидчиках, она становится застенчивой и мягкой, когда Иван просит разрешения навещать их. В ней удивительным образом совмещались как доброта, так и твёрдость, граничащая со злостью. Она была оригинальна и в красоте лица, и в одежде, и в легкости, с которой держалась с Иваном. Прелесть девушки заключалась в ее глазах, необычном взгляде, что подчеркивало ее демоническую силу. Олеся смотрела прямо в лицо собеседнику, что, по поверьям, не могут делать ведьмы. В конце концов, герой решил, что в ней есть что-то благородное, и привлекает его к ней «ореол окружавшей ее таинственности, суеверная репутация ведьмы, жизнь в лесной чаще среди болота и в особенности — эта гордая уверенность в свои силы, сквозившая в немногих <...> словах» [3, с. 112].

Сама Олеся верила в то, что она — ведьма: «Уже с самого рождения моя душа продана ему» [3, с. 125]. Во-первых, она была рождена в третьем незаконном браке, что означало её дьявольское происхождение, во-вторых, она унаследовала от матери и бабушки демоническую силу: могла нагонять порчу и страх, заговаривать кровь, лечить недуги, видеть будущее, наговаривать и привораживать... Однако, девушка очень любила животных: в избе живут скворцы, которых она приютила, чтобы откормить; она принесла в переднике голодных зябликов, которые шли за ней, ожидая привычного корма, которого у неё не оказалось; она просит Ивана не брать с собой в лес ружьё, чтобы не было искушения убить животное. В этой любви к живому Олеся далека от демонического, злого.

С точки зрения Ивана Тимофеевича, способности Олеси объяснялись бессознательными знаниями предков, передающимися из поколения в поколение как великая тайна. Он видел в них скорее инстинктивное ощущение жизни, чем злое вторжение в чужие судьбы, объяснял это себе уединённой лесной жизнью обиженных людьми женщин. Иван мог растолковать многое из того, что умела Олеся. Он пытался убедить необразованную лесную красавицу в том, что она — ничем не отличается от обычных девушек, только внимательнее, а знания, которые ей передались от предков, во многом опередили науку. Молодой человек рассказывал ей о гипнозе, внушении, докторрах-психиатрах, но та твёрдо верила в своё тёмное предназначение, говорила о проклятии рода и знала наперёд, что её ждёт несчастливая судьба. Каким бы ни был источник Олесиного колдовства, она, как и Мануйлиха, не использовала его со злым умыслом. В ней чувствуется врожденная ясность ума, наблюдательность, тонкая, почти звериная, интуиция. Возможно, именно эти ка-

чества позволили девушке точно предсказать будущее Ивана Тимофеевича, понять, какой он человек.

Олеся полюбила Ивана и всем своим существом старалась сделать так, чтоб он был счастлив с ней, пусть даже на короткое время. Тот отвечал ей взаимным чувством, предлагал стать его женою, на что Олеся неоднократно отвечала отказом, потому что боялась опозорить любимого в обществе своей необразованностью, не хотела бросать бабушку, которая не согласилась бы уйти из леса, сама боялась жить в городе, не любила места скопления народа и, наконец, верила, что может принести Ивану только несчастье проклятием рода. Любовь героини искренна и жертвенна: самое страшное испытание для ведьмы — поход в церковь — она проходит из-за этого всепоглощающего её сущность чувства. Казалось бы, Бог прощает юную ведьму, пуская её на порог церкви, но вершителями правосудия выступают деревенские бабы, те самые, что нередко бегали к Мануйлихе за помощью: увидев Олеся, они решили её избить и опозорить не потому, что та появилась в святом месте, а от того, что жили по принципу «прав тот, кто сильнее». Для этих пьяных крестьян, собравшихся в церкви из разных деревень на праздник, не было понятия чести, доброты, всепрощения, любви, — не за веру они накинулись на испуганную девушку, а потому что нашли в этом развлечение. Индивидуальность (Олеся) и стадность (бабы) не могли долго противостоять, численность взяла верх.

Иван, ставший причиной несчастья любимой, не послушался своего инстинкта, который стал в нем просыпаться со времени общения с ней, не остановил девушку от поступка, на который сам её подталкивал. Он сам себе признавался в равнодушии к вере, и, если бы Олеся верила в Бога, он бы принялся прививать ей атеистическое видение мира. Поздно он понял, что им все безнадежно испорчено, Олеся исчезла навсегда из его жизни. Ему самому пришлось поспешно уехать, чтобы злые крестьяне не отомстили за ущерб, нанесенный градом, по якобы ведьминому умыслу.

Между возлюбленными остается пропасть, поскольку она – человек природы, внимательный и любящий всё, в чём есть жизнь, он – человек общества, скучающий в глуши Полесья. То, что для неё есть свобода и жизнь – для него неволя и забвение, то, что для него есть свобода действий и необходимое для жизни – для неё клетка и неволя. Чтобы быть вместе, кому-то из них нужно «поломать себя». Иван этого сделать не может из-за нерешительности интеллигента, Олеся – из боязни и неверия людям.

Таким образом, повесть А. Куприна «Олеся» представляет собой амбивалентное понимание действительности: люди по-разному понимают сущность вещей, их ценности не совпадают, а потому происходит столкновение двух миров. В повести причудливо соединились народные верования, восходящие к славянской мифологии и эстетика естествен-

ного человека, противопоставляются человек, воплотивший в себе народную мудрость, и толпа безграмотных безбожников, лицо которой – жестокость.

Иван Тимофеевич постоянно оказывается в ситуации амбивалентного понимания окружающего: ему видится дьявольское, но он всегда находит этому простое объяснение. Амбивалентно представлены Мануйлиха и Олеся: сквозь призму восприятия рассказчика они получают особое очарование мудрых и естественных людей, одновременно причисляя себя к силам тьмы. Именно последний фактор позволяет нам отнести обеих героинь к inferнальным героиням. Следует отметить также некоторую полярность между восприятием героинь: если Мануйлиха имеет больше сходства с ведьмой из-за своей внешности, то Олеся своей легкостью в обращении и очарованием больше похожа на лесную знахарку. Не смотря на такую бинарность и минимизацию inferнальных черт, обе героини являются inferнальным.

Исследование проблемы определения inferнальных героев в художественных произведениях является перспективным, поскольку позволяет интерпретировать амбивалентные образы.

Список источников

1. Веселовский А.Н. Историческая поэтика / вступительная статья В.М. Жирмунского. Ленинград: Художественная литература, 1940. 648 с.
2. Дербенёва Л.В. Архетип и миф как архаические составляющие русской реалистической литературы XIX века. Ивано-Франковск: Факел, 2007. 428 с.
3. Куприн А.И. Олеся // Поединок: Повести. К.: Молодь, 1986. С.95-162.
4. Лаушкин К.Д. Баба-Яга и одноногие боги // Фольклор и этнография. Л., 1970. С.181-186.
5. Леонтьев А.А. Бессознательное и архетипы как основа интертекстуальности // Текст. Структура и семантика. Т. 1. Москва, 2001. С. 92-100.
6. Максимов С.В. Крестная сила. Нечистая сила. Неведомая сила. Кемерово, 1991.
7. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. Москва: «Восточная литература» РАН, 2000. С. 370-375.
8. Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975.
9. Попович М.В. Мировоззрение древних славян. К.: Наукова думка, 1985. 168 с.
10. Юнг К.Г. Архетипы коллективного бессознательного // Психология бессознательного. Москва, 1996. 312 с.

References

1. Veselovsky A.N. Istoricheskaja poetica (Historical poetics) / introductory article by V.M. Zhirmunsky. Leningrad: Fiction, 1940. 648 pp .
2. Derbeneva L.V. Archetyp i myf kak archaicheskiye componenty russkoj realisticheskoy literatury XIX veka. (Archetype and myth as archaic components of Russian realistic literature of the XIX century). Ivano-Frankivsk: Fakel, 2007. 428 p.
3. Kuprin A.I. Olesya // Duel: Stories. Kiev: Molod, 1986. Pp.95-162.
4. Laushkin K.D. Baba-Yaga i odnonoghie boghi (Baba-Yaga and one-legged gods) // Folklore and ethnography. Leningrad, 1970. Pp.181-186.
5. Leontiev A.A. Unconscious and archetypes as the basis of intertextuality // Text. Structure and Semantics. Vol. 1. Moscow, 2001. pp. 92-100.
6. Maksimov S.V. Krestnaja sila. Nechistzja sila. Zlyje duhi (The Power of the Cross. Evil spirits. An unknown force). Kemerovo, 1991.
7. Meletinsky E.M. Poetika Mifa (The Poetics of myth). Moscow: "Oriental Literature" of the Russian Academy of Sciences, 2000. Pp. 370-375.
8. Pomerantseva E.V. Mifologicheskije haraktery v russkom folklore (Mythological characters in Russian folklore). Moscow, 1975.
9. Popovich M.V. Mirivizzrenije drevnih slavjan. (The worldview of the ancient Slavs). Kiev: Naukova Dumka, 1985. 168 p.
10. Jung K.G. Arhetipy dtrvnego bessoznstelnogo (Archetypes of the collective unconscious) // Psychology of the unconscious. Moscow, 1996. 312 p.

Автор публикации

Author of the publication

Бажанова Елена Анатольевна – преподаватель кафедры иностранных языков в сфере международных отношений Института международных отношений Казанского федерального университета.
helene.bazhanova@gmail.com

Elena A. Bazhanova – a lecturer at the Department of Foreign Languages in the Field of International Relations of Kazan Federal University.
helene.bazhanova@gmail.com

Статья поступила в редакцию 22.10.2021; одобрена после рецензирования 28.10.2021; принята к публикации 04.11.2021.
The article was submitted 22.10.2021; approved after reviewing 28.10.2021; accepted for publication 04.11.2021.

МАКСИМ ГОРЬКИЙ И МОДА НА БОСЯКА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Лия Ефимовна Бушканец

Казанский (Приволжский) федеральный университет
г. Казань, Россия
lika_kzn@mail.ru

Аннотация. В начале XX века в российском обществе сложилась настоящая мода на «босняка», бродягу. На эту моду повлияли ранние произведения Максима Горького. Публикации в периодических изданиях того времени, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, свидетельствуют о том, что романтизация этих маргинальных слоев была желанием интеллигенции сыграть свою роль. Многочисленные подражатели Горькому выступали эпигонами романтизма, под влиянием которого социальные изгои воспринимались как люди звериной жестокости, экзотических страстей и т.д. Эта мода была результатом тех же особенностей социальной психологии интеллигенции, что и увлечение декадансом, несмотря на полемику М. Горького и декадентов. Все это является проявлением парадоксов, определяющих формирование литературной репутации М. Горького.

Ключевые слова: социальная психология, русская литература начала XX века, литературная репутация, читатель, бродяга

Для цитирования: Бушканец Л.Е. Максим Горький и мода на босняка в начале XX века // Российские исследования. 2021. Т. 2. № 3. С. 51–70.

Original article

Philological Sciences

MAKSIM GORKY AND THE «BOSYAK» AS A SOCIAL FASHION IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY

Lija E. Bushkanets

Kazan Federal University
Kazan, Russia

Abstract. At the beginning of the twentieth century, the Russian society developed a real fashion for "bosyak", a tramp. This fashion was influenced by the early works of Maxim Gorky. Publications in the periodicals of the time, many of which are introduced into scientific circulation for the first time, indicate that the romanticizing of these marginal strata was the desire of the intelligentsia to play a role. Numerous Gorky imitators acted as the epigones of

romanticism, under the influence of which the social outcasts were perceived as the persons of brutal cruelty, exotic passions, etc. This fashion was the result of the same features of the social psychology of the intelligentsia as the fascination with decadence, despite the controversy of M. Gorky and the decadents. All this is a manifestation of paradoxes that determine the formation of the literary reputation of M. Gorky.

Keywords: social psychology, Russian literature of the early twentieth century, a literary reputation, the reader, a tramp

For citation: Bushkanets L. Maksim Gorky and the «Bosyak» as a Social Fashion in the Early Twentieth Century. *Journal of Russian Studies*. 2021;2(3):51–70. (In Russ.).

Феномен ни с чем не сравнимой популярности в России начала XX века молодого писателя М. Горького пытались объяснить уже современники писателя, сами творцы этой славы. После Горького «овации» по отношению к модным писателям стали привычными (хотя и недолгими: мода на Леонида Андреева сменялась на моду на Евгения Чирикова, мода на Константина Бальмонта уступала место восторгам перед Игорем Северяниным и т.п.). Однако переворот в общественных представлениях о месте писателя, по единодушному признанию современников, свершил именно Горький. Современные исследователи расходятся в представлениях об истоках горьковской славы. Одни говорят о бесспорной новизне его таланта, благодаря которой писатель вырвался из рамок уже обесилевшей народнической традиции [34], другие – о благоприятном стечении обстоятельств [35]. Для решения этого вопроса недостаточно обращаться только к статьям и книгам профессиональной критики – к славе Горького имели отношение самые широкие слои русской публики, тем более что именно начало XX века – время активного участия в жизни культуры человека массы [36, 33].

Это предполагает обращение к новым и малоизвестным источникам, которые отражают общественное мнение, позицию публики.

Слава молодого писателя М. Горького была прежде всего связана с темой босяка.

Назовем главные произведения писателя на эту тему. Это рассказы «Дед Архип и Лёнька» (1893), «Нищенка» (1893), «Челкаш» (1894), «Однажды осенью» (1895), «Дело с застёжками» (1895), «Бабушка Акулина» (1895), «Вор» (1896), «Коновалов» (1896), «Болесь» (1896), «Супруги Орловы» (1897), «Бывшие люди» (1897), «Мальва» (1897), «Двадцать шесть и одна» (1899), «Случай из жизни Макара» (1912), «Хозяин» (1913), автобиографические повести «В людях» (1914), «Мои университеты» (1923), пьеса «На дне» (1902), очерк «Два босяка» (1894) и др.

Предыстория темы босяка в русской литературе хорошо изучена. Потому важно понять, чем на общем фоне выделялись произведения

Горького. Воспользуемся для этого цитатой из книги Павла Басинского, чтобы не повторять общеизвестного: «Чем восхищали современников романтические произведения раннего Горького? Почему они так безотказно, пользуясь определением Льва Толстого, «заражали» читателя конца 1890-х — начала 1900-х годов? С самого начала обозначилось серьезное расхождение между тем, что писала о Горьком критика, и тем, что хотел видеть в нем рядовой читатель. <...> Читателя меньше всего интересовал смысл горьковских вещей. Он искал и находил в них *настроение*, созвучное своему времени. <...> Это люди гордые, заносчивые и вовсе не желающие подниматься из своего социального «дна» куда-то выше. Напротив, они презирают людей труда и самое главное: все говорят «очень умно» и имеют свою «философию». <...> Горький не был первым в России изобразителем босячества. До него уже были Глеб Успенский, Левитов, Слепцов, Решетников. В 1885 году был напечатан рассказ В. Г. Короленко «Соколинец», который строгий Чехов назвал «самым выдающимся произведением последнего времени». И вот босяк в изображении Короленко — это прежде всего запуганное и затравленное существо, органически не способное на бунт. Если он и решается на него, то в силу особых обстоятельств, а затем, испугавшись собственной смелости, обретает еще более жалкий, чем прежде, облик. Даже беглого сравнения рассказа «Соколинец» с творчеством раннего Горького достаточно, чтобы понять, насколько короленковские босяки были непохожи на гордых босяков Горького, вроде Челкаша или Кувалды. Но если это еще можно объяснить полемикой двух больших художников, то вот бесстрастные исследования забытого ныне социолога-беллетриста А. Бахтиярова не оставляют сомнений по части фактической основы. Бахтиярова – автора книг «Босяки» (1903) и «Отпетые люди» (1903) – меньше всего волновала «философия» босячества. Он изучал босяка только как социальный тип. И те итоги, к которым он пришел, разительно отличались от художественных выводов Горького, при этом вполне согласуясь с выводами реалиста Короленко. По мнению Бахтиярова, основной движущей силой босячества является поиск пропитания. <...> Таким образом, у босяка не оставалось нисил, ни времени на собственное «я». Например, на выяснение своего положения в мире, чем бесконечно занимаются герои раннего Горького. Положение в мире босяка определялось тем, каким способом он добывал кусок хлеба: скажем, воровал, попрошайничал или рылся на помойке. Все это, согласитесь, имело немного общего с горьковским образом босяка. Видимо, социальный облик босячества менее всего интересовал раннего Горького, хотя по опыту своей юности он был знаком с ним не хуже и даже лучше очеркиста Бахтиярова. Но его художественное зрение было каким-то особенным. Он искал и находил в среде босяков (или, как их называли, в «золотой роте») не социальный тип, а новое моральное настроение, но-

вую философию, которые интересовали его и были ему духовно близки» [3, речь идет о книге 9].

О том, что горьковские босяки – прежде всего романтические философы, размышляющие о правде и справедливости, утверждающие идею индивидуальной свободы личности (иногда нищенского толка), писали неоднократно [например: 5]. Парадоксально, но в босяке Горький увидел чуть ли не «сверхчеловека». Об этом же писала с недоумением современная писателю критика, например И. Игнатов. Он отмечал, что время «идиллических разбойников», «благородных убийц», «рыцарски честных грабителей» в литературе, казалось бы, ушло вместе с романтизмом. Однако в самой человеческой природе есть стремление противопоставить благородного, но бедного человека богатому, являющемуся воплощению зла. Потому и в каждой национальной литературе возникает стремление найти идеальные черты в среде бродяг и оборванцев – среде, казалось бы, лишенной этих идеальной сторон: «...у оборванцев г. Горького» заметно стремление «к добру, к истинной нравственности, к большей справедливости, к заботе об уничтожении зла. <...> Не условия быта босяков интересуют читателя, а их психология; но в той форме, как дело представляется автором, психология выводимых персонажей не имеет никакого значения без внешних особенностей быта и среды. Последние должны оттенять первую, придавая особенный блеск неожиданности тем нравственным достоинствам, которые в мало подходящей обстановке производят эффект жемчужины, попавшей в навозную кучу. <...> Он сделал жизнь босяков сознательным отражением той философии, которую каждый из них выработал, и тем допустил в свои очерки освещение, совершенно неверное для жизни вообще и вдвойне неверное для жизни "павших" элементов общества. Это освещение настолько вредит некоторым очеркам г. Горького, что читатель остается совершенно холодным при описании самых патетических сцен и местами готов даже отдать преимущество французскому бродяге перед изображенными русскими типами» [15].

Босяки – действительно важная сторона российской жизни, когда крестьяне приходили в город, разорялись и пополняли ряды нищих, к ним добавлялись и представители обедневшего городского мещанства. Ничего романтического, естественно, в их существовании не было. Особая комиссия Министерства внутренних дел в 1882 году определила количество босяков в стране в 293 500 человек. Пресса считала эту цифру крайне заниженной. В Казани, в городе, в котором М. Горький жил с 1885 по 1888 годы и много общался с босяками и даже жил некоторое время в ночлежке, по данным комиссии, было 20 000 босяков. Это при 130 000 жителей в городе в целом!

Публицист В. Овцын писал в 1891 году в журнале «Русская мысль»: «Среди русского городского населения, существует особый класс людей,

дошедших под влиянием самой вопиющей нужды до вполне ужасного состояния живущих среди таких невероятных условий, при которых самое существование представляется, по-видимому, невыносимым. Целыми десятками тысяч рассеяны они по большим, а частью и малым городам, проживая чем и как придется: работой, коли она есть, нищенством, воровством, при отсутствии её, а часто и соединяя эти занятия».

Овцын замечал, что сведения об этих «отщепенцах общества», которых в народе называют босяками, крайне скудны [23].

Публицист А. А. Дробыш-Дробышевский посвятил специальную статью босячеству в Казани. Он отметил, что в городе босяков называют «мокринцы», от Мокрых улиц, где они преимущественно обитают. Вот как он характеризовал их социальное положение: «Это в полном смысле неудачники, стоящие по своему социальному положению далеко ниже рабочего человека, люди опустившиеся. Причиной их упадка часто бывает систематическая, долговременная безработица, выбивающая их из обычной колеи, часто же пьянство... Цивилизация все больше и больше число людей выбрасывает за борт, ставит в ряды отщепенцев, и на место выбывших из этих рядов являются все новые, как на место отсечённой головы у гидры вырастают несколько свежих».

По наблюдению публициста, «большая часть босяков ещё не отстала от работы совершенно, но работа носит большей частью случайный характер – они грузят на пристанях баржи, пароходы, нанимаются на лето в пособники крестьянам, на разные черные работы на заводах, и все за самую ничтожную плату <...> Кто раз попал в разряд босяков, натога уже ложится известное клеймо, цена его на рынке падает...»

Останавливается Дробыш-Дробышевский и на условиях жизни босяков. «Питаются они, по его словам, ужасно, кое-как, в разных дешевых столовых и на рынке в обжорных рядах. <В этих рядах> нередко подаются помой вместо похлёбки.

Но часто для босяков и такая пища – роскошь, тогда они обращаются к всяким объедкам, выброшенным за негодностью в помойные ямы, тщательно выбирают оттуда «рыбу, картофель, корочки хлеба и пр.

Летом босяки не нуждаются в жилье, нередко спят под открытым небом; около Казани они летом помещаются на берегах Волги, в земляных норах...

Зимой они живут в самых невозможных условиях ютятся по так называемым углам и ночлежным приютам, где в одной небольшой комнате помещается нередко до 40 человек... Помещения босяков пронизаны невозможной духотой, невозможными миазмами и служат источником всякой заразы» [13].

До нас дошел важный документ – описание босяков района Мокрых улиц, сделанное одним из его обитателей. Жителей этого района Казани он делит на четыре категории. Первая – «нищие по профессии». У

них заранее на всю неделю намечены места, где их уже ожидает известная подачка деньгами, натурой и вещами. Лица этой категории имеют постоянные квартиры в трущобах Мокринской губернии.

Ко второй категории относятся мелкие воришки... Эти люди по большей части обитают в той же Мокринской губернии; днем они обыкновенно трудятся в грязных трактирах, выслеживают какого-нибудь пьянствующего субъекта, заводят с ним компанию, и, в конце концов, обирают дочиста; бродят они также по толчке, на базаре, одним словом, везде, где только можно поудобнее и незаметным образом поживиться...

Третья категория – это лица «совершенно спившиеся»: «Их участь самая незавидная; без всяких средств к существованию, без малейшей возможности показаться на улице, ибо их костюмы мало отличаются от костюма праотца Адама, они принуждены валяться в грязных трущобах Мокринской губернии. Вечно голодные, они с жадностью набрасываются на первую подаваемую им рюмку вина каким-нибудь загулявшим мастеровым...».

И, наконец, четвертая категория: «В этой категории вы по большей части встретите лиц всевозможных профессий: повара, кучера, половые, лакеи, столяра, слесаря, сапожники, портные, чернорабочие, прачки, кухарки, скорняки, приказчики, чиновники, люди со средствами и даже высшим образованием... Их положение в самом деле хуже, чем положение лиц первых категорий; нищенствовать не позволяет им чувство собственного достоинства, на преступление они не способны, ибо нравственно не испорчены, спиться в кругу не позволяет им заглушнее в них желание выбиться из затруднительного положения» [30].

В Москве босяцкий район – прежде всего район Хитрова рынка, ему часто посвящали свои статьи репортеры московских газет.

Однако при некотором любопытстве общества к этим слоям городского населения, при постоянном «пересечении» с ними в повседневной жизни на рынках, на улицах и пр., никакого особого интереса к ним до Горького не было, несмотря на то, что, с одной стороны, босяки появились в большом количестве в 1880-е годы и что, с другой стороны, униженные и оскорбленные уже были предметом внимания литературы, в том числе европейской, в середине XIX века: это и «Парижские тайны» Эжена Сю, и «Петербургские трущобы» Всеволода Крестовского, в какой-то мере даже «Преступление и наказание» можно было бы назвать романом босяках – но эта его сторона при всем сочувствии к «униженным и оскорбленным» не вызвала специфического интереса общества к этим людям.

Для самого Горького эта тема босяков была результатом осмысления личного опыта, была связана с размышлениями о «книжной» культуре и подлинной жизни и др. Но нас интересует в данном случае,

читатель Горького в рамках социологии литературы как раздела литературоведения. Восприятие читателя причудливо, на этом уровне может происходить кардинальное переосмысление концепции писателя.

Отметим невиданную популярность его произведений о босяках по сравнению с выше названными предшественниками и современниками.

Для того чтобы произведения о босяках стали популярными, они должны были попасть в нерв времени. Критик Д. В. Философов подчеркивал: «Успех у Горького был совершенно особенный. Такого раболепного преклонения, такой сумасшедшей моды, такой безмерной лестии не видали ни Толстой, ни Чехов. Горький был герой дня, "любимец публики", нечто вроде модного оперного певца, который в течение коротких лет кружит голову своим поклонникам и затем, потеряв голос, сходит со сцены, погружается в забвение. Увлечение Горьким психологически понятно, легко объяснимо. Слишком вовремя появился он, слишком глубокие струны задел он, чтобы не встретить отклика во всей новой России, которая только что начинала просыпаться» [27].

Критик Л. Е. Оболенский справедливо писал, что интерес к тому или иному писателю характеризует прежде всего общество, «которое им увлекается», и по особенностям этого писателя мы можем определить настроения, потребности и духовное состояние общества, читательские ожидания в определенную эпоху [22].

Итак, что мы можем сказать о читателе М. Горького начала XX века? Вот один из анекдотов того времени:

«-Сударыня! Дозвольте модному босяку на пропитание три копейки!

-Ах! Настоящий босяк! Нате, нате... А...а... вы как босяком стали?

-Из любви к Максиму Горькому, сударыня!» [7]

Этот анекдот показывает, что перед нами, действительно,

1. мода

2. это мода на босяка

3. она определенно и ясно связана с именем М. Горького.

Интересно и следующее: «Когда же описания Максима Горького вернулись к своим оригиналам, то те возгордились, и начали действовать и жить по Горькому. На улицах стали попрошайничать, ссылаясь на Горького, и не один кошелек любезно открывался для удовлетворения пьяной жажды героев "босячества". "Босяки" обнаглели, они стали бить в лицо мирных обывателей, стариков, женщин» [26]

Но каковы причины, каковы черты социальной психологии, приведшие к такой странной моде?

Интересно, что для умственной элиты России начала XX века романтические настроения «босяцких» произведений Горького – свидетельство пробуждения общества, преодоления «сумеречных» настроений, выздоровления от той болезни, которая была диагностирована и описана А. Чеховым. Чеховские интеллигентные «нытики» были

противопоставлены горьковским босякам, *Три сестры* – пьесе *На дне*. Не случайно появилась карикатура «Чехов и Горький перетягивают канат», словно борясь за внимание публики (слава Чехова в начале XX века, по свидетельству критика А. Скабичевского, также доходила до овации при появлении <...> в публичных местах [24, с. 31 вт. паг.]). Потому босяк воспринимался как «герой»: «Настрелял и нализался, а как «до меры» не хватило, то сапоги пропил и пошел гулять босиком... Теперь я, значит, босяк, по нынешнему времени – герой... И всюду мне почет»¹ [17].

Любое явление существует в обществе на нескольких уровнях: высоком и низком, массовом. Так и в начале XX века можно говорить о «высоких» неоромантических настроениях и вульгарном, массовом романтизме.

Для большей части читателей тема босячества оказалась одной из удобных форм романтической игры на грани юродства. Об этих чертах русской интеллигенции неоднократно сосуждением писал сам Горький и – парадокс – именно они обусловили не просто скандальную сверхславу его произведениям о босяках. Для утомленной прозой жизни массовой полуинтеллигентной публики босячество стало формой романтизации жизни. По мнению В. Буренина, Горький в своих босяках, одетых в «плащи и перья», возродил в обществе духбездарных последователей марлинизма [11], т.е. романтических произведений А. Бестужева-Марлинского 1830-х годов.

Это было отмечено современниками. Не случайно герой одного из фельетонов, помещенных в юмористическом журнале, «исповедовался»:

Я был бедствующим интеллигентом. Я не имел ни денег, и места, ни знакомств. Я погибал...». Он прочитал в газете фельетон о том, что «какая-то сила, какая-то мощь чувствуется в этих «бывших людях», правдиво и ярко обрисованных Горьким, <...> и общество тысячу раз право, уделяя столько внимания босяку!!! <...> Я вскочил. Гениальная идея осенила меня! Я решил сыграть, но не на сцене, а в жизни роль «босяка». <...> В серо-зеленом подранном пиджаке и в желто-рыжих подранных сапогах стоял я на следующий день на одной из наиболее бойких улиц нашего провинциального городишки. Я с нетерпением озирался по сторонам и от времени до времени пускал из своей отвратительной «цыгарки» зловонную струю дыма. <...> «Pardon, mesdames!» – бойко заговорил я, преграждая барышням путь и пуская им в лицо порядочную порцию дыма. «Кто вы?» – испуганно пропищали барышни. – «Не узнаете, прелестные дамы?! Я босяк... Горьковский тип.... Бывший человек.... Челкаш так сказать!...» – «Что же вам угодно?» – на этот раз уже с

¹ Настрелял – просил денег на улице, нализался – выпил.

любопытством спросили барышни. – «Жрать угодно-с!! – прогудел я в ответ. – Жрать!.. А для сего требуется... pecunia...argent... Geld!..

После обсуждения, барышни дали «настоящему босяку» целковый. В лучшем ресторане города он потребовал опять «жрать» и английской горькой.

Эффект, произведенный моими словами, оказался для меня совершенно неожиданным. «Что он сказал про Горького? – заговорили за одним столом. – «Он, кажется, сказал, что он – Горький!» – восклицали за другим. – «Горький здесь... Горький!.. Горький!...» – сразу пронеслось по залу, и, раньше, чем я успел опомниться, стол мой был окружен густой толпой горьковских почитателей. Я спокойно доел котлету, затем встал и во весь голос завопил: «Чего глаза пялите?! Не видели, как человек котлеты лопает?! Что я вам, удав, дающий представление, или гусь, глотающий гвозди!! Да и какой я, к черррту, Горький? Я – Варишкин! Да-с!» Я не успел закончить своей речи, как уже все присутствующие в зале начали восторженно аплодировать мне...

В результате он женился на купчихе-миллионерше. Теперь он в Париже, пьет за процветание общества, которое занимается не спасением *погибающих*, а прославлением *погибших*, за общество, которое уделяет столько трогательного внимания не *настоящим*, а *бывшим* людям [20].

Прошел всего год, и то, что было «из записок скорого будущего», стало настоящим. И вот уже другой герой отправляется в путешествие-игру.

– Это все оттого, что ты начитался Максима Горького.

– Совсем нет, душечка. Мне просто хочется все испытать в жизни, – объяснял Иван Иванович Мешков свою затею.

– И потом на вечерах у знакомых я могу произвести фурор, когда скажу: Я, господа, знаю эту жизнь до тонкости, так как сам ходил «босяком» и просил милостыню.

Жена Ивана Ивановича, как декадентка, не возражала. Всякая оригинальность покоряла ее.

Ивану Ивановичу добыли нужную одежду:

Порты и рубаху долго мыли, но они все-таки издавали какой-то особый мужичий запах, тогда мадам Мешкова решила надушить их для брезгливого мужа самыми лучшими духами, вниз он надел белье из тонкого голландского полотна.

Какой ты хорошенький босяк! – говорила Мешкова наряженному мужу.

Он взял паспорт дворника, сто рублей, и отправился. Кондуктор предложил ему ехать зайцем, потому при появлении контролеров его спрятали под дровами. Герой не вытерпел грязи и вылез под носом у контролеров, его пинком согнали с поезда. В деревне он пристроился ночевать у амбара, но только достал жареного рябчика, как шедшие мимо мужики испугались, что он устроит пожар, потому с удовольствием стали его бить. В полиции, проверив паспорт, обнаружили, что тот чу-

жой. Мешкова обыскали, нашли деньги, еду и решили, что он не иначе как убил богатого. Тут герой вынужден был во всем признаться, и его слова подтвердил случайно заехавший знакомый.

Все смеялись. Больше всех хохотал пристав: «Затейщик, ну уж и затейщик!» Составилась закуска, и пировали у станового целый день...». «Да...но... босяков слишком идеализируют. Поэзии, понимаешь, мало», - говорил Мешков жене, потирая синяк на ребре. «Зато будет что рассказать у добрых знакомых?»- «Нет, душечка, лучше уж ничего не говорить об этом. Не стоит. Нет!» [12].

Не случайно героями обоих фельетонов становятся интеллигенты. По сути, увлечение босячеством – это результат тех же черт социальной психологии интеллигенции, которые привели и ... к декадентству, несмотря на полемику Горького и декадентов. Вспомним, что босяка-любителя поддержала жена-декадентка.

Это хорошо было замечено Львом Толстым в разговоре с одним из его интервьюеров: «Увидев в его руках свое письмо, я догадался, в чем дело, и наскоро передал, что был по дороге наХитровом рынке, говорил с босяками...

– Что за охота – не понимаю. Ну что там интересного? Босяк как босяк. Всегда они были, долго еще будут... Пьянствуют, лентяйничают, и ничего больше. Выдумали тоже моду - босяки, – не без раздражения сказал Толстой...

– Пожалуй, Лев Николаевич, оно так и есть. Только все же Хитров рынок - эта та самая пропасть, та яма, куда немало нашего брата, вольного интеллигента, сваливается... Ну, страшно и хочется заглянуть туда, а заглянешь – голова кружится...

– Так ведь это простое любопытство, и даже нехорошее любопытство, потому что сваливаться туда совсем не надо. И заглядывать, пожалуй, не следует, раз никакого дела нет. Так – мода... <...> Босяка выдумали... Ничего не нашли лучше... Потерянные люди, с которыми ничего не поделаешь и поделатъ нельзя, и как это не надоело возиться с ними – не понимаю...

– Что они потерянные – это они сами знают. Вон Коновалов говорит у Горького: "Особый нам счет нужен... и законы особые... очень строгие законы, чтобы нас искоренить из жизни...Потому пользы от нас нет"... Только мне думается, что тут дело совсем даже не в реальном босяке, а в том, что его разукрасили нищестанством, анархизмом, дали ему силу плюнуть на нашу скуку и лицемерие, а пожалуй, воплотили в нем и наше отчаяние.

– Что это наше? Вот у меня например, никакого отчаяния нет, хотя через два месяца мне исполнится семьдесят пять лет.

– Наше, Лев Николаевич, значит – интеллигентное...

– Ну да, конечно... У интеллигенции кроме других скверных при-

вычек есть еще привыкаться с своим отчаянием... В конце концов, это только скучно и нисколько не умно. Каких-то пятнадцать человек, заседающих в петербургских редакциях, выдумывают то свою веру, то свое отчаяние и серьезно думают, что это для кого-нибудь и для чего-нибудь важно и поучительно... <...> Ведь смешно, право. В России сто тридцать миллионов людей, которые не знают ни отчаяния, ни босячества, ни петербургских редакций. Живут эти люди и многие из них стараются хорошо жить, как можно лучше, по-божьи. <...> Итак, что же... Отчаяние? – спросил Толстой, в упор смотря на меня...

Ну, это, быть может, слишком сильно сказано... А что греха таить, Л. Н., скучненько как-то. Ждешь, ждешь этого давно обещанного обновления жизни, простора какого-нибудь для себя, своей работе, для других. Вместо этого жизнь еле плетется по тине и кочкам, грязная, усталая, жестокая, – от того, что, быть может, слишком она измучена или кружит по сторонам, точно ее бес какой водит...

И уж поверьте, оттуда, откуда вы ждете обновления и простора, вы никогда его не дождетесь. Все ваши надежды вы возлагаете или на какую-нибудь случайность, или на всемирную войну – что уж совсем безобразно, – или на что-нибудь вообще, что вне вас. Это вот большая ошибка, не отказавшись от которой вы никогда не поймете ни смысла, ни красоты жизни. Начинайте с себя. Нет в жизни никого и ничего сильнее человека, когда он захочет быть свободным и сильным. Ему надо только понять, что никого и ничего нет сильнее его. И раз он это понял, ничто и никто ему ни в чем не помеха, не указ... Быть собой, по-своему верить и думать – разве это так трудно, разве это невозможно при каких бы то ни было обстоятельствах и условиях?..

Ох, как все это трудно и какая сила нужна для всего этого! – совершенно искренне вырвалось у меня...

Разумеется, без сил ничего поделаться нельзя... Разве опуститься до Хитрова рынка, – сказал Толстой. – Но сила есть в каждом из нас, в каждом человеке ее заложено столько, что себя-то привести в порядок он всегда может... <...> Вы о чем теперь пишете? – спросил он меня.

– Больше о текущем. Написал восторженную статью о «На дне»...

– Это, пожалуй, и напрасно. Эти босяки в плащах, в шляпах со страусовыми перьями и при шпагах могли бы уже набить оскомину... А еще о чем?» [25].

Интересно, что интерес интеллигенции к босяку объясняется тем, что интеллигенции скучно жить и тем, что и тем, что возникает интеллигентный люмпен. Не случайно появляется стихотворение в юмористическом журнале:

Ноги босы, грязно тело, -Заурядное то дело:

С ним миришься так и сяк,

Жалок умственный ...босяк! [28]

Так что мода на босяка – чисто интеллигентская, умственная, головная. Именно поэтому босяк вовремя разнообразил и литературную жизнь: «Босяк и еще раз босяк... Это блюдо решительно не приедается в литературно-общественном меню. Босяк и на сцене, и в газете, на улице и в доме, комфортно рассаживается в гостиной, любезничает с публикой и кладет ноги на стол. Г. Горький решительно осчастливил несчастных страдающих писательским зудом и умственной пустотой. Он им дал «тему на бедность» и талантики, как лилипуты, облепили героя. Они могут его теперь потрошить на все лады, и в щи класть, и с кашей есть... Босяку-то литературные обжоры ничего не сделают, но публике прохода нет, словно она на «Хитровку» попала...» [2].

Эта литературная тема, подхваченная множеством писателей, горьковских эпигонов, была интересна тем, что босяк оказался ярким проявлением общей тенденции: интеллигента стали привлекать маргинальные стороны жизни:

Терзают нас сомнения,
Поэтов вдохновения
Живой родник иссяк.
В чертог литературы
Протискались фигуры
Ужасные: «босяк»,
Уродцы-символисты,
«Мещане», стрекулисты,
«Дотошные», купцы...
Скандал!.. За перлы эти
Вас высекли бы, «дети»,
Покойные «отцы!»
Но...нет! Прошло былое,
Теперь совсем иное
«Писательский» вопрос
Имеет выраженье:
Какое предложенье –
Такой, увы, и спрос!.. [16]

Пьяная, грязная и бессмысленная жизнь бывших мастеровых, аристократов, интеллигентов, жизнь публичных женщин, и т. д., среда, в которой считаются ненужными и неуместными всякие навыки, выработанные культурой, всякая сдержанность и грязных инстинктов [5], – все это кажется такой экзотикой, таким удобным и легким материалом для привлечения читателя! Появляются «рекомендуемые» пародистами штампы произведений о босяках:

«– Сто лет, сто зим! Нашему сотоварищу в три этажа с мезонином! Аль из острога?!

– Ну вот еще! Я теперича «работать» бросил... Теперича меня гос-

пода писатели кормят и поят...

– За что де?

– С меня, значит, рассказы сочиняют...»

Или:

«– Как же ты, Кондрат, почитай на всю ночь на дворе бабу оставил одну?

– А что? Как бы вещь стоящая, украли бы, а бабу никто не утащит» [3].

Как и в случае с Чеховым, огромную роль в популярности Горького сыграл Художественный театр, особенно постановка «На дне»:

С начала нового года среди «театралов» растет интерес к новинкам старого года, к сценам М. Горького «На дне»... <...> «На дне» же, наоборот, живая фотография с художественными и литературными достижениями... «На дне» представляет публике знакомые типы ночлежных домов, но знакомые понаслышке, по воображению, в пьесе же, благодаря таланту автора и художеству театра, те же воображаемые типы получают живыми в их повседневной жизни <...> Постановка сцен и их исполнение Художественном театре самые правдивые, поэтому и впечатление отдельных сцен самое болезненное и «нервозбивательное...» [19].

Однако любопытно, что постановка была гораздо более популярна в более патриархальной Москве, чем в деловом чиновном Петербурге (в котором своих босяков было тоже много):

На дне. Препечальный сюрприз драматургу

Не понравились, нет, Петербургу

Неожиданно сцены «На дне».

Только строгости слышны одне.

Загляни по рецензиям пестрым,

Горький сон увидал наяву

И, подобно трем чеховским сестрам

Восклицает, наверно, В Москву! [4].

Впрочем, мода модой, но всем было понятно, что литература и жизнь – вещи разные:

Поклоняются в литературе беднякуБосяку.

В жизни ж поклоняются (увы? я не шучу!)Богачу [21].

Было понятно, что босяки – далеко не лучшие варианты человека. Вот «задача» в одном из тогдашних журналов: «Один господин вышел погулять в лес со своей дачи, имея 50 коп. Встретил девушку, потом встретил «рыжего дюжего босяка в духе героев Горького», и т.п. Сколько он роздал денег? Ответ: у него ничего не осталось после встречи с босяком» [6]. Или:

В ночлежке душно, грязь и смрад,

Сучатся кулаки...

Зачем же лезут в этот ад

Толпами босяки?

Увы, на сцене лишь босяк –
Герой и человек,
А в жизни нашей – так и сяк –
Его обходят век...
Пускай Максим его воспел, –
Оборван, не умыт,
От красных слов, кланя удел,
Он все-таки не сыт... [29]
С романтизацией босяка был не согласен Лев Толстой:
« –А вот мы только что о Горьком говорили. ...

–Упадок это; самый настоящий упадок; начал учительствовать, и это смешно... Вообще я не понимаю, за что его сделали "великим". Что он сказал: что у босяка есть душа? Это так, но это известно было и ранее... Нового ничего» [14].

Босяки, считал Толстой, живые люди, и не соглашался с Горьким ни в их идеализации ни в романтизации их брутальной жестокости, которая сначала так восхитила тщедушных интеллигентов: «Разговор зашел о Максиме Горьком, о его героях, о «На дне» и т.д. <...> Тема, как видите, самая модная. Петербургские журналисты по поводу «На дне» учинили заправский допрос всех наших "hommes des lettres". И все они, кажется, осудили пьесу Горького. Теперь сказал свое слово и "великий писатель земли русской"... Я передал Льву Николаевичу свои московские впечатления о Хитровке, которую на днях в подробностях осмотрел. Я шел туда под впечатлением Горького. И вынес впечатления самые отрицательные. Московское босячество с легкой руки модного романиста положительно дошло теперь до значения каких-то сословных преимуществ. Современные московские босяки – это настоящие неаполитанские лаццарони, но те ленивы, добродушны и впечатлительны. Здесь как раз наоборот: видишь изобретательность рецидивиста, озлобленный мстительный ум и самые низменные инстинкты. Они свободно разгуливают по Москве, пристают к прохожим, заигрывают с городовыми. Но добродушия тут мало, напротив: во всем чувствуется воровская уловка и неразборчивость средств.

– Я занимался тоже Хитровкой, – сказал Лев Николаевич, – во время переписи. Дружил даже с хитровцами. И вот что я скажу вам. Вы говорите, что босяки жестоки. Это неправда. Не прав и Горький, подчеркивая в них эту черту. Разумеется, есть между ними озлобленные, коварные люди. Но основная черта босячества все-таки заключается не в этом. Я, например, у большинства из них встречал душевное равновесие и добродушие. Когда Горький был у меня, я советовал ему особенно подчеркнуть эту черту в его новой драме. Надо было еще показать, что у босяков нет ложного страха, что нет пропасти под ними и что если захотят они встать на ноги, то встанут без малейшего усилия, потому что почва у них под ногами. <...>

Я возразил, что тип босячества мог значительно измениться с того времени, если не в основных чертах, то во многих частностях, и что литературное опоэтизирование Хитровки, какое мы видим у Горького, может привести к самым печальным результатам» [10].

21 апреля 1905 Д.П. Маковицкий записал разговор в Ясной Поляне: «После обеда Бутурлин рассказывал о том, что теперь в Москве развелось много дурного типа нищих – «хулиганов». Злые лица, видите требовательность. Иду по Кремлю. Подступает такой нищий, снимает шапку, другие два ему говорят: «Что снимаешь шапку?» На Девичьем Поле сидела девушка, подошел такой нищий, получил от нее деньги, потом подкрался сзади, стал душить ее и отнял у нее ридикюль. Я тоже выразил удивление, какие здоровые люди попрошайничают. Вспомнил про того нищего из Дёминки, которого я вчера встретил. Бездельник, алкоголик» [32, С. 252].

Конечно, в моде на босяка были и положительные черты. Интеллигенция испытывала чувство вины перед ними и стала больше заниматься благотворительностью. Эта мысль была близка домочадцам Толстого и ему самому: «Л.Н.: Генри Джордж говорит: есть три категории людей: одни живут – милостыней, другие – воровством, третьи – трудом. А Татьяна Львовна отозвалась:

– Мы живем милостыней и воровством.

Л.Н.: Да, мы живем воровством» [32].

Именно так, с сочувствием, писал о бывших людях в пьесе Горького критик и писатель И.Ф. Анненский: «Шулер, побитый за нечистую игру и одурманенный водкой, страстно, хотя и с надрывом, говорит об истинах, которые волнуют лучшие умы человечества. Старик, которого в жизни только мяли, выносит из своих тисков незлобивость и свежесть. Двадцатилетняя девушка, которая не видела в жизни ничего, кроме грязи и ужаса, берегает сердце каким-то лилейно чистым и детски свободным. А Пепел, этот профессиональный вор, дитя острога и в то же время такой нервный, как женщина, стыдливый и даже мечтательный? Это внутреннее несоответствие людей их положению, эта жизнь, мыслимая поэтом как грязный налет на свободной человеческой душе, придает реализму Горького особо фантастический, а с другой стороны, удивительно русский колорит...» [8] Или: «...босяки, мол, «погибшие человеки», – все-таки еще люди, в которых *живо* человеческое чувство, ожидающие лишь своего духовного пробуждения... Сцены «На дне» дают, таким образом, новую работу нашим благотворителям, которым, кроме материальной помощи бедным надлежит также пробуждать человека в «погибших людях»...[19]

Впрочем, и Лев Толстой признавал, что исправить босяка невозможно:

«Я рассказал о некоторых московских благотворительных обществах, вроде приюта для малолетних босяков, и выразил сомнение, чтобы

эти приюты при всей их гуманной цели не приносили в то же время вреда обществу.

– Разумеется, – согласился со мной Лев Николаевич, – это обоюдоострый вопрос. С одной стороны, жалость к детям – ну как не подобрать из ужасающей нищеты и распутства ни в чем не повинного ребенка, а с другой стороны – такая забота общества о босяках не есть ли поддержка самих босяков? Босяк теперь рассуждает, и рассуждает вполне правильно, что было бы только мне хорошо, а о моей жене, ребятах и обо всем прочем общество позаботится. И потому босяку живется в Хитровке очень привольно и никакого другого образа жизни он не желает» [10].

И наконец, мода на босяка стала проходить, как и любая другая.

«Что вы скажете о героях Горького?»

Горькому от них сладко... всем остальным – солоно: надоели!» [1]

Популярность Горького является следствием совокупности причин. Читатель ощущал невольно подчиняющую себе стихийную силу таланта, понимал, что с этими произведениями в литературу пришла «живая жизнь». И одновременно с этим появление Горького совпало со временем бурного развития печати, рекламы, массового читателя (и нечитателя – поскольку о модной литературе теперь говорят даже те, кто не читал самих произведений).

По законам формирования литературных репутаций популярность писателя складывается «волнами». Необходим первый, острый пик славы, который сходит на нет, последующие волны читательского внимания, если они возникают, закрепляют первоначальный успех.

Феноменальный успех всегда имеет свою обратную сторону: чем больше популярность, тем неизбежнее массовый читатель примитивизирует писателя, упрощает его до узкого круга тем и проблем, сближает его со своим собственным вульгарно-романтическим сознанием. Это произошло и в случае с М. Горьким: мода на босяка стала одним из, казалось бы, частных результатов романтических игр русских интеллигентов начала XX века, результаты этих игр, однако, оказались трагическими для страны.

Список источников

1. [Б. п.] Брызги пера // Будильник. 1903. № 29. С. 4.
2. [Б.п.] Герой дня // Будильник. 1902. № 2. С. 4.
3. *Fram*. Идеиные диалоги из босяцких пьес // Будильник. 1903. № 15. С. 9.
4. А.Л. Злобы дня // Будильник. 1903. № 14. С. 4.
5. Адрианов С. «На дне» Максима Горького. Санкт-Петербург. 1903. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.literaturus.ru/2016/01/kritika-pesa-na-dne-Gorkij-otzyvy.html> (проверено 09.09.2020)

6. А-ндр. Задача для детей от 30 до 100 лет // Будильник. 1903. № 27. С. 9.
7. А-ндр. Модные босяки // Будильник. 1903. № 13. С. 6.
8. Анненский Ф. Драма на дне (Книга отражений). 1906 г. Электронный ресурс. Режим доступа: http://az.lib.ru/g/gorxkij_m/text_0320.shtml (проверено 09.09.2020)
9. Бахтияров А.А. Босяки. 1903.
10. Беляев Ю. В Ясной Поляне // Новое время. 1903, № 9746 (24 апр.).
11. Буренин В. Критические очерки // Новое время. 1905, 5 апр.
12. Деятель. Босяк-любитель // Будильник. 1903, № 2. С. 6–7.
13. Дробыш-Дробышевский А. Пауперизм в России // Казанские вести. 1891, № 178.
14. Зенгер А. У Толстого // Русь. 1904, № 212 (5 (28) июля).
15. Игнатов И. Философия босячества (у Ришпена и г. Горького) // Русские ведомости. 1898. N. 170.
16. Интеграл. По времени и нравы // Будильник. 1902, № 22. С. 9.
17. Интервьюер. Новогодние интервью // Будильник. 1902, № 1. С. 6. Настрелял – просил денег на улице, нализался – выпил.
18. Маковицкий Д. Яснополянские записки. Литературное наследство. Т. 90. Кн.1, Москва, 1979. С. 252.
19. Неприсяжный рецензент (В. Левинский). По увеселениям // Будильник. 1903, № 1. С. 6.
20. Нильбо. Как я сделал карьеру. Из записок скорого будущего, // Будильник. 1902, № 12. С. 3–4.
21. Н. Поклоняются... // Будильник. 1902, № 13. С. 9.
22. Оболенский Л. М. Горький и причины его успеха. Санкт-Петербург 1903.
23. Овцын В. К истории и статистике Городского пролетариата в России // Русская мысль. 1891, № 1. С. 50 вт. паг.
24. Скабичевский А. А. П. Чехов, Русская мысль. 1905. Кн. 6, С. 31 вт. паг.
25. Скриба (Е. Соловьев) В Ясной Поляне // Одесские новости. 1903, № 6026, 6030, 6033 (13, 17 и 22 июня).
26. Стечкин Н.Я. Максим Горький, его творчество его значение в истории русской словесности и в жизни русского общества // Максим Горький: pro et contra. СПб.: РХГИ, 1997. С. 461–618.
27. Философов Д. Конец Горького (1907 г.) . Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.literaturus.ru/2016/01/kritika-pesa-na-dne-Gorkij-otzyvu.html> (проверено 09.09.2020).
28. Х. Из жизни // Будильник. 1902, № 23. С. 4.
29. Чертенюк. О «ночлежке» и босяке // Будильник. 1903, № 16. С. 6.
30. Ясиновский И. Ночлежный приют Ив. Ник. Журавлёва и его значение для Казани // Казанский биржевой листок. 1887. № 51–52.

31. *Басинский П.В.* Горький и босяки. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://biography.wikireading.ru/94158> (проверено 09.09.2020).
32. *Болдырева Е.М.* Философия босячества в раннем творчестве М. Горького // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 5. С. 322-329.
33. *Зоркая Н.* На рубеже столетий. У истоков массового искусства в России 1900–1910 годов. Москва 1976. 304 с.
34. *Роле С.* О рецепции раннего Горького // Максим Горький и литературные искания XX столетия // Горьковские чтения. 2002: Материалы межд. конф. Нижний Новгород, 2004. С. 619–625.
35. *Страда В.* Литература конца XIX века // История русской литературы XX в.: Серебряный век. Под ред. Е.Эткинда, Ж. Нива и В. Страда, Москва, 1995.
36. *Хренов Н.А.* Публика в истории культуры. Москва, 2002. 496 с.

References

1. [without signature] Pen Spray // Budilnik. 1903. No. 29. p. 4. (in Russ.)
2. [without signature] Hero of the day // Budilnik. 1902. No. 2. p. 4. (in Russ.)
3. Fram. Ideological dialogues from barefoot plays // Budilnik. 1903. No. 15. p. 9. (in Russian)
4. A.L. Malice of the day // Budilnik. 1903. No. 14. p. 4. (in Russian)
5. Adrianov S. "At the bottom" by Maxim Gorky. St. Petersburg. 1903. Electronic resource. Access mode: <http://www.literaturus.ru/2016/01/kritika-pesa-Na-dne-Gorkij-otzyvy.html> (checked 09.09.2020) (in Russian)
6. A-ndr. A task for children from 30 to 100 years old // Budilnik. 1903. No. 27. p. 9. (in Russian)
7. A-ndr. Fashionable tramps // Budilnik. 1903. No. 13. p. 6. (in Russian)
8. Annensky F. Drama at the bottom (Book of Reflections). 1906. Electronic resource. Access mode: http://az.lib.ru/g/gorxkij_m/text_0320.shtml (checked 09.09.2020) (in Russian)
9. Bakhtiarov A.A. Tramps. 1903. (in Russian)
10. Belyaev Yu. In Yasnaya Polyana // Novoye vremya. 1903, No. 9746 (24 Apr.). (in Russian)
11. Burenin V. Critical essays // Novoe vremya. 1905, 5 Apr. (in Russian)
12. Dejatel. Hobo-lover // Budilnik. 1903, No. 2. pp. 6-7. (in Russian)
13. Drobysh-Drobyshesky A. Pauperism in Russia // Kazanskije Izvestija. 1891, № 178. (in Russian)
14. Zenger A. Tolstoy's // Rus'. 1904, No. 212 (July 5 (28)). (in Russian)
15. Ignatov I. Philosophy of bosyachestvo (in Rishpen and G. Gorky) // Russkije Vedomosti. 1898. N. 170. (in Russian)
16. Integral. By time and morals // Budilnik. 1902, No. 22. p. 9. (in Russian)
17. Interviewer. New Year's interviews // Budilnik. 1902, No. 1. p. 6. (in Russ.)

18. Makovitsky D. Yasnopolyanskije zapiski. Literary Heritage. Vol. 90. Book 1, Moscow, 1979. (in Russian)
19. Neprisjazhnyj retzenzent. (V. Levinsky). For entertainment // Budilnik. 1903, No. 1. p. 6. (in Russian)
20. Nilbo. How I made a career. From notes of the near future // Budilnik. 1902, No. 12. pp. 3-4. (in Russian)
21. N. Poklonjajutsja ... // Budilnik. 1902, No. 13. p. 9. (in Russian)
22. Obolensky L. M. Gorky and the reasons for his success. St. Petersburg 1903. (in Russian)
23. Ovtsyn V. On the History and statistics of the Urban Proletariat in Russia // Russkaja Mysl'. 1891, No. 1. p. 50 2 pag. (in Russian)
24. Skabichevsky A. A. P. Chekhov // Russkaja Mysl'. 1905. Book 6, p. 31 2 pag. (in Russian)
25. Scriba (E. Solovyov) In Yasnaya Polyana // Odesskije novosti. 1903, № 6026, 6030, 6033 (13, 17 and June 22). (in Russian)
26. Stechkin N.Ya. Maxim Gorky, his creativity and its significance in the history of Russian literature and in the life of Russian society // Maxim Gorky: pro et contra. St. Petersburg: RHGI, 1997. pp. 461-618. (in Russian)
27. Philosophov. D. Gorky's End (1907) . Electronic resource. Access mode: <http://www.literaturus.ru/2016/01/kritika-pesa-Na-dne-Gorkij - ot-zyvy.html> (checked 09.09.2020). (in Russian)
28. H. From life // Budilnik. 1902, No. 23. p. 4. (in Russian)
29. Chertjonok. About the "flophouse" and the tramp // Budilnik. 1903, No. 16. P. 6. (in Russian)
30. Yasinovsky I. Nochlezhny shelter Iv. Nick. Zhuravleva and its significance for Kazan // Kazanskij birzhevoj Listok. 1887. No. 51-52. (in Russian)
31. Basinsky P.V. Gorky and the tramps. Electronic resource. Access mode: <https://biography.wikireading.ru/94158> (verified 09.09.2020). (in Russian)
32. Boldyreva E.M. Philosophy of bosyachestvo in the early work of M. Gorky // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. 2018. No. 5. pp. 322-329. (in Russian)
33. Zorkaya N. At the turn of the century. At the origins of mass art in Russia in 1900-1910. Moscow 1976. 304 p. (in Russian)
34. Role S. About the reception of early Gorky // Maxim Gorky and literary searches of the twentieth century // Gorky readings. 2002: Materials of the international conference. Nizhny Novgorod, 2004. pp. 619-625. (in Russian)
35. Strada V. Literature of the late XIX century // The History of Russian Literature of the XX century: The Silver Age. Edited by E. Etkind, J. Niva and V. Strada, Moscow, 1995. (in Russian)
36. Khrenov N.A. Public in the history of culture. Moscow, 2002. 496 p. (in Russ.)

Автор публикации

Author of the publication

Бушканец Лия Ефимовна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков в сфере международных отношений Института международных отношений, Казанский федеральный университет, Россия, Член Чеховской комиссии при Совете по мировой культуре РАН.

Leah E. Bushkanets – Professor, Head of the Department of Foreign Languages in the Sphere of International Relations, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Russia, Member of the Chekhov Society (Russian Academy of Sciences).

Статья поступила в редакцию 02.10.2021; одобрена после рецензирования 08.10.2021; принята к публикации 14.10.2021.

The article was submitted 02.10.2021; approved after reviewing 08.10.2021; accepted for publication 14.10.2021.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 94'47

Исторические науки

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ГРУППЫ В ДИСКУРСЕ НАЦИОНАЛИЗМА КАЗАНСКИХ ОКТЯБРИСТОВ В ГОДЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Андрей Юрьевич Михайлов¹, Илья Олегович Седов²

^{1,2}Казанский (Приволжский) федеральный университет

^{1,2}г. Казань, Россия

¹apunion@mail.ru, ²ilyasedov73@gmail.com

Аннотация. В данной статье, проанализирован на основе теории дискурсов Лакло-Муфф подход октябристов к созданию (конструированию) политической (гражданской) нации в России — русских как «народа политического». Осуществлено это материале статей из газет «Обновления» и «Казанский телеграф», позиция которых соотносится с тезисами казанских октябристов. Акцент сделан на наличие спектра мнений — от левых до правых октябристов.

Ключевые слова: октябристы, национализм, Казань, поляки, евреи, старообрядцы, антисемитизм, теория дискурсов Лакло-Муфф

Для цитирования: Михайлов А.Ю., Седов И.О. Этноконфессиональные группы в дискурсе национализма казанских октябристов в годы первой русской революции // Российские исследования. 2021. Т. 2. № 3. С. 71–83.

Original article

Historical Sciences

ETHNO-CONFESSIONAL GROUPS IN THE DISCOURSE OF NATIONALISM OF THE KAZAN OCTOBRISTS DURING THE FIRST RUSSIAN REVOLUTION

¹Andrey Yu. Mikhailov, ²Ilya O. Sedov

^{1,2}Kazan Federal University

^{1,2}Kazan, Russia

Abstract. This article applies the Laclou-Mouffe theory of discourses for analyzes the Octobrists' approach to the creation (construction) of a political (civil) nation in Russia – Russians as a "political people". This was done on the basis of the articles from the newspapers "Obnovlenia" and "Kazan Tele-

graph", whose position correlates with the theses of the Kazan Octobrists. The emphasis is placed on the presence of a spectrum of opinions from left to right Octobrists, analyzed through the Lacló-Mouff framework.

Keywords: Octobrists, nationalism, Kazan, Poles, Jews, Old Believers, anti-Semitism, Lacló-Mouffe theory of discourse

For citation: Mikhailov A.Yu., Sedov I. O. Ethno-confessional groups in the discourse of nationalism of the Kazan octobrists during the first Russian revolution. *Journal of Russian Studies*. 2021;2(3):71–83. (In Russ.).

Поздняя Российская империя как конфессиональное государство в годы первой русской революции и учреждения Государственной Думы переживала кризис идентичности и идеологии. Одной из важных тем в эпоху рождения массовой политики было формирование и оформление в России политической (гражданской) нации, в том числе и включение туда «иностранцев» из представителей западных национальных окраин. Эта проблема была ключевой в программе «Союза 17 октября», особенно она была актуальна в многонациональной провинции, в том числе в Казани (Казанской губернии), где активно действовала ячейка октябристов.

В конце 1905 года одновременно с «Союзом 17 октября» (в последующем октябристы) формировалась и «Казанская партия манифеста 17 октября», которая становилась региональным отделением октябристов. Одним из важнейших аспектов программы октябристов являлось продолжение строительства нации, обозначенной как «народ политический». Имперскость Российского государства предполагала создание программы инкорпорации «нерусских» этноконфессиональных групп. Казань же являлась удачным примером для репрезентации взглядов октябристов на включение «нерусских» этноконфессиональных групп. К началу 1906 года основными средствами массовой информации, поддерживавших казанских октябристов являлись газеты «Обновления» и «Казанский телеграф» [24, с. 93]. Первая появилась в начале 1906 года за счет казанских промышленников, редакция состояла из октябристов (преимущественно левых), но официально нигде не заявлялось, что газета октябристская. Вторая существовала еще с 1893 года в качестве аполитичного, коммерческого СМИ, однако в ходе первой русской революции политическая ориентация газеты стала монархической. «Казанский телеграф» с самого основания благоволил «Казанской партии манифеста 17 октября», но параллельно симпатизировал более правому лагерю [15]. Следовательно, в Казани существовали два лагеря октябристов со своей прессой, но под единой организационной структурой. Для анализа текстов привлечём теорию дискурсов Лакло-Муфф [5, с. 104].

Начнем с выявления элементов (узловых знаков, мифов) дискурсов правых и левых октябристов, затем выявим цепочки эквивалентности для формирования общего значения отдельных дискурсов, выделим

общие понятия для каждого дискурса. В итоге попытаемся выявить изменчивые знаки, антагонизм дискурсов [5, с. 95], т.е. значения дискурса, при которых мы замечаем противостояние значений.

Обратимся к газете «Обновления». Начнем с общего положения: главным мифом дискурса являлось понятие нации и разных способов инкорпорации этноконфессиональных групп. Важнейшими узловыми знаками левых октябристов являлись старообрядцы, поляки. Начнем со старообрядцев. Старообрядцы в Российской империи оставались традиционно угнетенной группой, однако сохранившей свою «русскость». Старообрядцы составляли львиную долю в Московской Городской Думе, которая стала основной умеренно земско-городского меньшинства. Это же стало одной из частей партии октябристов. Важно отметить облегчение деятельности предпринимателей, старообрядцев и октябристов. И. Алексеев отмечает поддержку казанских октябристов со стороны старообрядцев [1, с. 106].

В статье «Нужды старообрядцев. Второй всероссийский съезд старообрядцев» в №4 газеты «Обновления» автор описывал резолюцию старообрядческого съезда и пытался совместить её с программой октябристов [12]. Журналист положительно относился к их «призыву к кровавому вооруженному восстанию, с другой стороны – отрицательное отношение к старому полицейско-чиновничьего строя с его всесторонней опекой над гражданами» Мы можем констатировать, что методы совпали: «Выставленные съездом положения, безусловно, прогрессивны. Но проведение их в жизнь съезд находит возможным только через Государственную Думу». В первой редакции программы октябристов ноября 1905 важнейшим был скорый созыв Государственной думы, которая провела первое заседание в 1906 году [22, с. 48]. Автор заканчивал так: «Мы не сомневаемся, что в своих постановлениях старообрядческий съезд отражает мнения большинства русских старообрядцев. С такой именно программой люди древнего благочестия должна выступить перед выборами» Здесь совмещалась фундаментальная идеологическая задача и прикладная выборная задача. Мы замечаем это удачное совпадение. Ценности равенства, веротерпимости, мирных способов борьбы и существования единой и неделимой российской монархии

В №17 редакция вставила доклад со второго съезда старообрядцев об их политической позиции [3]. Автор доклада остался анонимным. Интересным моментом является историческое обоснование свободы совести: старообрядцы, являясь монархистами, видят, что царь отошел от народа с помощью армии чиновников и лишь избрание Государственной Думы решит проблему удаленности Царя от Народа.

В №68 газеты была напечатана речь старообрядческого священника Александра Ивановича Калягина [17]. Он говорил: «Присвоено нам Высочайшим указом от 17 апреля 1905 г. пунктом №7 наименование –

“старообрядец” в замене употребляемого “раскольник”, Циркуляр МВД от 15 мая 1905 г. снова отменяется и вводится наименование “раскольник” Где же религиозная свобода? Очевидно, чиновники все еще смотрят по нее по-старому». А. И. Калягин обозначал главной старообрядческой проблемой отношение к ним власти. Ведь до принятия указа о веротерпимости российские власти 249 лет ущемляли старообрядцев.

В №69 была продолжена речь А. И. Калягина [18]. Он говорил: «Выйти можно только одним путем – именно путем следования Царской воли, а Царская воля по высоч. манифесту 17 октября такова: обязанность правительства мы возлагаем выполнение непреклонной нашей Воли даровать населению незыблемые основы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов...». Мы в очередной раз видим, что октябристы и старообрядцы стоят на одной позиции. В финале речи А. И. Калягин говорил об октябристах так: «Чтобы идти по этому пути, партия 17 октября в своей программе исповедует: Мы должны сами, в согласии и единении с Монархом, создавать новый порядок жизни, который вывел бы нас из переживаемых бедствий, имея таким образом полную уверенность в полном следовании Монаршей воле, избранники союза партий 17 октября». Мы видим, что взаимосвязь октябристов и старообрядцев была двусторонней. У них сходятся программы, а старообрядцы видят октябристов своими представителями.

Так мы констатируем инкорпорацию старообрядцев через признание гражданских прав старообрядцев и уважение свободы совести. Обоснование такого способа интеграции старообрядцев состоит в том, что они являются русскими, но только через 249 лет после раскола были вновь внесены в состав русских. Это первая точка эквивалентности.

Обратимся к полякам. Положение поляков в Российской империи в XIX веке оставалось проблемным. Яркими индикаторами являются польские первое (1830-1831 гг.) и второе (1863-1864 гг.) восстания. Проблема в том, что, несмотря на русификацию, польская идентичность уже была сложившейся и противопоставлялась общеимперской. Острые отношения с поляками вынуждали любую политическую силу, в том числе октябристов, в своих проектах обозначать свое видение места поляков в будущей русской политической нации и в Российской империи в целом.

В статье «Что нам принесет автономия окраин?» высказывается идея военного контроля: «Нужна также и Польша по военным соображениям, которая, подобно, Финляндии, также не может быть самостоятельным государством: в случае отпадения ее от России ею овладела бы Германия»[26].

В статье «Союз 17 октября об окраинах» даны конкретные предложения по управлению окраинами Российской империи [23]. Например, признание за отдельными национальностями широкого права на удо-

влетворение и защиту своих культурных нужд в пределах допустимых идей государственности и интересам других национальностей, свобода совести и вероисповеданий, допущение употребления местных языков во всех церковных учреждениях (в общественных учреждениях допускается употребление, кроме русского, всех местных языков, согласно определениям большинства населения).

Далее динамика выглядит следующим образом. С 82 по 96 номера мы видим обострение польского вопроса на страницах газеты. В статье «Польские шаги» в № 82 газеты «Обновления» мы видим обоснование протеста против автономии Польши, что, по мнению автора, приведёт к польской гегемонии в Восточной Европе, к Великой Польше «от моря до моря» [16]. Даже в проекте «Этнографической Польши» по поводу последствий дарования Польше политической самостоятельности автор уверяет, что речь идет о Польше этнографической, в пределах 10 губерний Царства Польского, а не исторической, простиравшей от Балтийского моря до Черного и от Ченстохова до Смоленска. Но «мечта самих поляков улетает за этнографические пределы польского племени...» [16]

В статье «К польской автономии» в № 87 октябристы публикуют присланный материал, в котором указываются условия автономии [7]. По мнению автора, по-видимому левого октябриста, условиями автономии Польши являлись: «Пусть поляки, так страстно желающие видеть свою отчизну вольной и культурно процветающей и в тоже время состоящие на русской государственной службе, отставят немедленно занимаемые ими места...2) условие, чтобы, по таковом отделении Польши от России, варшавские, лодзинские и иных мест изделия польской промышленности поступали к нам как иноземные, через таможи».

В статье «Чего хотят поляки?» в № 96 октябристы говорят об умеренных, пророссийских поляках, взгляды которых тождественны их взглядам на положение Польши в Российской империи [25: «...Другие видят в автономии общественное и экономическое самоуправление. Они вполне удовлетворяются земскими учреждениями, городским положением, судом присяжных и т.п. Желание большинства выражается одной фразой: «Дайте нам права, одинаковые с русскими. Этот крик, продолжается годами, к которому надо прислушиваться. Это заветное желание умеренного большинства, которые добившись своего, поставят преграду автономистам»» [25] Фактически налицо призыв к введению прямого правления в Привислинском крае, как и в центральных губерниях (выборные земства там появятся лишь в 1911). В финале статьи звучит мысль о равноправии: «Полноправие с русскими (как политика национал-строительства — А.М., И. С.) – это первое, что нужно дать полякам. Только тогда можно развивать гражданскую свободу неделимой России... Дело не в должностях, в том, чтобы поляк, как и русский, мог служить там, где он хочет, не подвергаясь стеснениям.»

В итоге октябристы видели поляков в своем дискурсе равноправными подданными с другими жителями Российской империи. Это является второй точкой эквивалентности в этом дискурсе. В проекте автономии Польши расширение местного самоуправления являлось способом инкорпорации, феномене спорном ввиду размытости границ Польши (границы 1772 года или границы проживания поляков). Тон статей намекает на неоднородность редакции «Обновлений».

Исходя из ситуационного подхода, предложенного А. И. Миллером, мы должны рассматривать способы инкорпорации инородцев Поволжья в совокупности, поскольку меры интеграции сообществ влияют друг на друга в общих территориальных границах [11, с. 31]. Нужно отметить, что в местном контексте понятия «татары» и «мусульмане» часто совпадают. Важно ознакомиться с интеграционными практиками в этом регионе. В середине XVI века Московия присоединила Казанское ханство к Московии. По отношению к марийцам, чувашам, мордве ведется достаточно мирная политика с непринудительной христианизацией, у них был свой староста, который решал их проблемы. Татары же выселялись из городов, подавлялись восстания. Первые две трети XVIII века для всех иноверцев Поволжья шла массовая принудительная христианизация от Новокрещенской конторы.

К концу XVIII века через свободу вероисповедания появилась Духовное Управление Мусульман как способ управления татарами. В середине XIX века миссионер Николай Иванович Ильминский (1822–1891) придумал оригинальный способ аккультурации для народов Поволжья – просвещение инородцев и создание национальных азбук на кириллице и последующая христианизация. Так происходила аккультурация народов в общеимперское языковое пространство.

Отражение всего этого мы это можем видеть в статьях газеты «Обновления». В статье «К вопросу о просвещении инородцев Приволжья» (№ 2) октябристы, положительно оценивая деятельность Н. И. Ильминского, писали, что к 1906 этого уже нет: «родной язык инородцев наших начальных школах светского и духовного типа мало или вовсе не применяется» [6], просвещение инородцев не работает: «Так как в целях русификации их инородцы служат в селах, то следует их вернуть на родину, в инородческие села; ныне первоначальное обучение грамоте в инородческих селах, где есть учителя, понимающие инородческий язык, должны вести на инородческом языке» [6]. Октябристы считают, что нужно вернуть процесс, высказывают идеи обрусения в смысле аккультурации, а не в смысле ассимиляции. Ценность включения людей разных вер и национальностей в единое культурное пространство важнее, чем ассимиляция инородцев.

В № 5 вышла корреспонденция «Где путь к культурному подъему инородцев Приволжья и Сибири?» Николая Васильевича Никольского

(1878–1961) [2]. Идею возвращения к заветам Н.И. Ильминского мы видим в конкретных предложениях Н. В. Никольского: «В настоящую пору всеобщих возгласов о необходимости скорейшего улучшения положения крестьян, и в частности инородцев, на ближайшую очередь нужно поставить книгоиздание на инородческих языках на сельскохозяйственные, медицинские и др. темы хозяйства».

В № 66 в статье «Обособление мусульман» казанские октябристы высказывали свое отношение к мусульманам [14]. Мы понимаем, что здесь октябристы пишут о татарах. В статье мы видим полное отражение программы октябристов, то есть равенство абсолютно всех людей: «Пока мы видели в них сынов России, стремящихся к ограждению их национальных и религиозных человеческих прав, мы шли им навстречу, мы искали общения с ними, тем более, что в их среде далеко не царило единомыслие...»; «Союз будет стремиться к полному равноправию всех граждан России, ко всем свободам и тем более свободам совести; но он горячо восстает против национального раскола». В этом пассаже продолжается генеральная линия октябристов о национальном единстве всей российской империи.

В статье «Несколько слов по поводу волнения в мусульманских школах» в №80 мы видим отношение октябристов к джадидитам: «однако молодежь стоит по большей части за “новые основы”, что не особенно нравится представителям “старых основ”: муллам и ударисам, т.е. заведующим медресами учителям...» [12].

Выявим последнюю эквивалентную точку. Мы можем сказать, что, несмотря на разные религии, октябристов и джадидитов объединяет модернистское начало. Актуальное европейское модернистское образование вполне совпало с программой Н.И. Ильминского о модернистском образовании, правда, для других инородцев Поволжья нужно было составлять алфавит. Через успешные реформы джадидитов можно было бы включать мусульман в состав русской нации. Джадидитов и октябристов как раз объединяет мирный характер мероприятий, что для 1906 года очень важно.

Теперь мы можем выявить общие значения левооктябристского дискурса в казанской интерпретации. В основе лежит «миф» о том, что нация складывается через инкорпорацию этноконфессиональных групп. Все этноконфессиональные группы должны влиться в гражданскую, политическую общеимперскую общность. Старообрядцы должны быть приравнены к русским. Октябристы видели поляков равноправными подданными с другими жителями Российской империи. Поляки получили бы земское самоуправление, хотя не ясно, в какой структуре: прямого или непрямого правления. Но доминирует позиция оставить статус-кво, т.е. структуру прямого правления. Для поволжских инородцев должна была продолжаться реализация программы Н.И. Ильминского для по-

следующей аккультурации в общеимперское пространство. Несмотря на отсутствие политического сотрудничества, октябристы предлагали интегрировать мусульман через уважение свободу совести и культурную автономию. Итак, главная мысль левооктябристов – общеимперская общность без исключения этноконфессиональных групп из имперского пространства

Теперь обратимся к правооктябристскому изданию «Казанский телеграф». Узловыми элементами этого националистического дискурса являлись в большей степени евреи и поляки, в меньшей степени старообрядцы.

Начнем с евреев. Взаимоотношения между евреями и правительством были достаточно проблематичны. Власти империи не смогли разработать эффективную политику инкорпорации евреев, их эмансипации, а также обеспечить безопасность этих подданных. Российская империя не могла совершить трансфер эффективного способа инкорпорации евреев, поскольку Российская империя стала мировым лидером по количеству евреев. В таких условиях каждая политическая сила обязана была предоставить свой проект инкорпорации евреев.

В №3898 и №3901 публиковались Протоколы сионских мудрецов» под названием «Роль евреев и еврействующих в русской революции» – антисемитская фальшивка, в которой высказывается идея всемирного еврейского заговора [20 и 21].

В №3900 описывался еврейский погром в Гомеле, совершенный старообрядцами [8]. Причиной события стало убийство евреями помощника пристава, который был старообрядцем. Источником выступала «беспристрастная газета» «Минская речь», которая была в одном фарватере с «Казанским телеграфом». Редакция комментировала это событие: «Никто их не подстрекал на это, никто не натравливал: они сделали это сами, мстя за мученическую смерть своего единове́рца. Гомельское пожарище – это месть народная» [8] Здесь мы видим резкий антисемитизм и признание старообрядцев «русскими», поскольку они совершили погром, как другие русские.

В №3904 перепечатывалась «Речь раввина», опубликованная в октябристской газете «Слово» [19]: «Обладание золотом, печатью и способностью в выборе средств для удовлетворения известных свойств души сделают из нас посредников в общественном мнении и подвинут к нам народные массы» [19] (здесь мы видим важный подтекст антисемитизма: смешение конфессионального и социального). Подчёркивалась в перепечатанной речи борьба с православной церковью: «Так как христианская церковь является для нас одним из опаснейших врагов, то мы обязаны неустанно работать над ослаблением ее влияния» [19]. Антисемитизм сближал правых октябристов и консерваторов.

В №3912 в статье «Евреи в Польше» мы видим, что неявно поляки и русские объединяются на почве антисемитизма [4]: «Агитация евреев в глазах всякого честного поляка должна считаться преступной, направленной во вред всего польского народа». Вновь проявился современный антисемитизм: смешиваются социальные классы и вероисповедание: «Им (евреям — А.М., И.С.) недостаточно того, чтобы нас экономически разорили, они хотят теперь не допустить нас к политической жизни» [4]. Автору ближе поляк, чем еврей.

Обратимся к «узлу» о поляках. Важность инкорпорации поляков описана выше. В той же статье «Евреи в Польше» мы замечаем еще один сюжет [4]. Поляки сближались с русскими не только на почве антисемитизма, но и по вопросу важности Государственной Думы: «Участие поляков в Государственной Думе – это тот золотой мост, через который мы можем сговориться с русским народом и получить законным и явным путём те права и свободы»[4]. Теперь мы видим способ инкорпорации через общеимперские структуры.

В №3960 в статье «К чему приведет автономия Польши?» высказывалась идея, что полякам помогут лишь основные принципы Манифеста 17 октября [9]. Автор статьи отмечал: «Польская нация, расстроенная вековой невзгодой, не найдет у себя ни судебных деятелей, ни финансовых, ни администраторов, она не в состоянии создать свою армию и бюджет» [9]. Также публицист отмечает, что «в дружном единении с русским народом польская нация получит возможность к дальнейшему развитию всех своих дремлющих сил» [9]. Октябристы вновь высказали идею инкорпорации поляков на основе общеимперских способов управления и без выделения их в отдельную административную структуру. Это вторая точка эквивалентности.

Обратимся к старообрядцам. Актуальность их инкорпорации описана выше. В №3900 в статье «К событиям в Гомеле» отмечено, что старообрядцы воспринимаются русскими лишь за совершенный ими еврейский погром [8]. В № 3940 в статье «Кого выбирать?» мы видим объяснение союза октябристов и старообрядцев [10]: «Почему старообрядцы почти поголовно присоединяются к “Союзу 17 октября”? Я объясняю это тем, что им дорога единая, неделимая Россия, дорога им родная старина и они никогда не согласятся на чрезмерно резкие политические скачки вперед непроверенным образцам» [10]. Октябристы и старообрядцы вновь сходились в общем взгляде на модернизацию Российской империи. Это есть последняя точка эквивалентности

Теперь мы можем выявить общие значения правооктябристского дискурса в казанской интерпретации. «Мифом» в этом дискурсе выступала понятие «нация» как интеграция этноконфессиональных групп. Все этноконфессиональные группы должны усилить свою интеграцию к нации. Особняком выступали евреи. По мнению правых октябристов,

правительственный антисемитизм должен продолжиться, но лишь с созданием отдельных образовательных структур для евреев. Старообрядцы становились русскими с участием в еврейских погромах. Поляки должны интегрироваться в общеимперские институты: земства и Государственную думу. Также точкой соприкосновения с поляками являлся антисемитизм, то есть общим значением являлся общеимперская общность без евреев, что вполне в духе современного антисемитизма.

Можно констатировать, что воззрения казанских октябристов по национальному вопросу были не однородны – от автономий до унитаризма. Анализируя статьи газет «Обновления» и «Казанский телеграф», мы можем выделить левых (центристских) и правых октябристов через их разногласия и консенсусы (точки эквивалентности) по вопросу единой политической нации русских.

При сравнении этих двух дискурсов мы находим общие положения: «миф» о нации, способы инкорпорации поляков и старообрядцев. Все это направлено на один электорат. Однако левые октябристы не высказывались по еврейскому вопросу, поскольку это слишком острая проблема, которая может лишить их избирателей. Правые октябристы не говорили о поволжских инородцах в связи с тем, что существующая политика вполне их устраивает. Антагонизм дискурсов мы замечаем лишь в общих методах инкорпорации. Если левые октябристы в «Обновлениях» намекают нам о расширении земского самоуправления и уважения свободы совести, то правые октябристы вполне согласны с этим, но используют в своем дискурсе яркий современный антисемитизм. Это сближает их с правыми, что влечет неразличение октябристов и черносотенцев.

Список источников

1. *Алексеев И. Е.* Под сенью манифеста (умеренно-монархическое организации Казанской губернии в начале XX века). Казань: б.и. 2002. 312 с.
2. Где путь к культурному подъёму инородцев Приволжья и Сибири // Обновления. 1906. 14 января (№5).
3. Доклад со съезда старообрядцев // Обновления. 1906. 28 января (№17).
4. Евреи в Польше // Казанский телеграф. 1906. 15 февраля (№ 3912).
5. *Йоргенсен М.В., Филлипс Л. Дж.* Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр., 2000. 352 с.
6. К вопросу о просвещении инородцев Приволжья // Обновления. 1906. 11 января (№2).
7. К польской автономии // Обновления. 1906. 27 апреля (№87).
8. К событиям в Гомеле // Казанский телеграф. 1906. 28 января. (№3900).
9. К чему приведет автономия Польши? // Казанский телеграф. 16 апреля (№3960).

10. Кого выбирать? // Казанский телеграф. 19 марта. (№3940).
11. *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: НЛО, 2010. 320 с.
12. Несколько слов по поводу волнения в мусульманских школах // Обновления. 1906. 19 апреля.(№80).
13. Нужды старообрядцев. Второй всероссийский съезд старообрядцев // Обновления. 1906. 13 января (№4).
14. Обособление мусульман // Обновления. 30 марта. (№66).
15. Политическая партия в Казани // Казанский телеграф. 1905. 19 ноября (№ 3845).
16. Польские шаги // Обновления.1906. 21 апреля. (№82).
17. Речь попа старообрядца Калягина// Обновления. 1906. 2 апреля (№68).
18. Речь попа старообрядца Калягина // Обновления. 1906. 6 апреля (№69).
19. Речь раввина // Казанский телеграф. 1906. 2 февраля (№3904).
20. Роль евреев и еврействующих в русской революции // Казанский телеграф. 1906. 29 января (№3901).
21. Роль евреев и еврействующих в русской революции // Казанский телеграф. 1906. 26 января (№3898).
22. Сборник программ политических партий России. Под ред. Водозова. СПб: кн. маг. «Наша жизнь», 1905–1906. 75 с.
23. Союз 17 октября об окраинах // Обновления. 1906. 11 мая (№96).
24. *Хабибрахманова А.В.* Деятельность политических партий в Казани в годы Первой российской революции. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ., 2006. 200 с.
25. Чего хотят поляки? // Обновления. 1906. 11 мая (№96).
26. Что нам принесет автономия окраин? // Обновления.1906. 25 апреля (№85).

References

1. Alekseev I. E. Pod sen'ju manifesta (umerenno-monarhicheskoe organizacii Kazanskoj gubernii v nachale HH veka). 2002. 312 p. Kazan: without a publishe. (In Russian).
2. Gde put' k kul'turnomu pod#jomu inorodcev Privolzh'ja i Sibiri// Obnovlenija. 1906. January 14 (№5) (In Russian).
3. Doklad so s#ezda staroobradcev // Obnovlenija. 1906. January 28 (№17) (In Russian).
4. Evrei v Pol'she // Kazanskij telegraf. 1906. February 15 (№ 3912) (In Russian).

5. Jorgensen M.V., Fillips L. Dzh. Diskurs-analiz. (2008) Teorija i metod. 352 p. Kharkiv: Gumanitarnyj centr. (In Russian).
6. K voprosu o prosveshhenii inorodcev Privolzh'ja // Obnovlenija. 1906. January 11 (№2) (In Russian).
7. K pol'skoj avtonomii // Obnovlenija. 1906. April 27 (№87) (In Russ.).
8. K sobytijam v Gomele// Kazanskij telegraf. 1906. January 28. (№3900) (In Russian).
9. K chemu privedet avtonomija Pol'shi? // Kazanskij telegraf. April 16 (№3960) (In Russian).
10. Kogo vybirat'? // Kazanskij telegraf. March 19. (№3940) (In Russian).
11. Miller A.I. (2010) Imperija Romanovyh i nacionalizm: Jesse po metodologii istoricheskogo issledovanija. 320 p. Moscow.: NLO, 320 p. (In Russian).
12. Neskol'ko slov po povodu volnenija v musul'manskih shkolah» // Obnovlenija. 1906. April 19. (№80) (In Russian).
13. Nuzhdy staroobrjadcev. Vtoroj vserossijskij s#ezd staroobrjadcev» // Obnovlenija. 1906. January 13 (№4) (In Russian).
14. Obosoblenie musul'man// Obnovlenija. March 30. (№66) (In Russian).
15. Politicheskaja partija v Kazani// Kazanskij telegraf. 1905. November 19 (№ 3845) (In Russian).
16. Pol'skie shagi // Obnovlenija.1906. April 21. (№82) (In Russian).
17. Rech' popa staroobrjadca Kaljagina// Obnovlenija. 1906. April 2 (№68) (In Russian).
18. Rech' popa staroobrjadca Kaljagina// Obnovlenija. 1906. April 6 (№69) (In Russian).
19. Rech' ravinna// Kazanskij telegraf. 1906. February 2 (№3904) (In Russian).
20. Rol' evreev i evrejstvujushhijh v russskoj revoljucii // Kazanskij telegraf. 1906. January 29 (№3901) (In Russian).
21. Rol' evreev i evrejstvujushhijh v russskoj revoljucii// Kazanskij telegraf. 1906. January 26 (№3898) (In Russian)
22. Sbornik programm politicheskijh partij Rossii. Pod red. Vodozova. (1905-1906). 75 p. Saint-Petersburg: kn. mag. «Nasha zhizn'». (In Russian).
23. Sojuz 17 oktjabrja ob okrainah // Obnovlenija. 1906. May 11 (№96) (In Russian).
24. Habibrahmanova A.V. (2006) Dejatel'nost' politicheskijh partij v Kazani v gody Pervoj rossijskoj revoljucii. 200p. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT. (In Russian).
25. Chego hotjat poljaki? // Obnovlenija. 1906. May 11 (№96) (In Russi.).
26. Chto nam prineset avtonomija okrain?// Obnovlenija. 1906. 25 April (№85) (In Russian).

Авторы публикации

Authors of the publication

Михайлов Андрей Юрьевич – доцент кафедры отечественной истории Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений Казанского федерального университета, г. Казань, Россия.

Andrey Yu. Mikhailov – Associate Professor of the Department of National History Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage Institute of International Relations of Kazan Federal University, Kazan, Russia.

Седов Илья Олегович – студент кафедры отечественной истории Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений Казанского федерального университета, г. Казань, Россия.

Илья О. Sedov – student of the Department of National History Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage Institute of International Relations of Kazan Federal University, Kazan, Russia.

Статья поступила в редакцию 12.10.2021; одобрена после рецензирования 14.10.2021; принята к публикации 18.10.2021.

The article was submitted 12.10.2021; approved after reviewing 14.10.2021; accepted for publication 18.10.2021.

Publication date: on December 13, 2021. Offset paper. Digital printing. Format 70x108 1/16.
The circulation is 500 copies. Order no. 136/12. Printed from a ready-made layout in the printing house
of the Kazan University Publishing House. Address: 1/37, Professors Nuzhin street,
Kazan, 420008, Russian Federation.

Tel.: +7 (843) 233-73-59; +7 (843) 233-73-28.

Reprinting of materials is allowed only with the written permission of the publisher.
Free distribution.

Дата выхода в свет: 13.12.2021. Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 70x108 1/16.
Тираж 500 экз. Заказ № 136/12. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии Издатель-
ства Казанского университета. Адрес: ул. Профессора Нужи́на, 1/37,
г. Казань, Российская Федерация, 420008.

Тел.: +7 (843) 233-73-59; +7 (843) 233-73-28.

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции.
Распространяется бесплатно.